

ИРИНА ХРУСТАЛЕВА

ЗВЕЗДА
РЕАЛИТИ-ШОУ
«ФОРМУЛА
КРАСОТЫ»

Огнеопасная
красотка

ПОДАРОК ДЛЯ ВСЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ: главы из книги
«ВСЯ ПРАВДА О РЕАЛИТИ-ШОУ «ФОРМУЛА КРАСОТЫ»

Ирина Хрусталева

Огнеопасная красotka

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159867
Огнеопасная красotka: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20366-6*

Аннотация

Жила себе Лиза тихо-спокойно, собиралась замуж за преуспевающего бизнесмена Виктора Правдина. Так бы все оно и было, если бы накануне свадьбы Виктор не назвал ее во сне какой-то Аллой. Да за это убить мало! И наутро девушка обнаружила, что кто-то словно подслушал ее мысли: Виктор был мертв. А убийцы – все еще в доме... Где спрятаться?

Лиза залезла в сундук и там отключилась, а очнулась... в камере. И вскоре узнала о себе много интересного: оказывается, это она застрелила Правдина и двух охранников. Жениха – чтобы отомстить за измену, а охранники просто под руку попались. Но доблестные правоохранительные органы еще не знали, с кем связались: Лиза ухитрилась сбежать через канализационный люк в туалете.

Так из преуспевающей леди она превратилась в бродяжку. Как же доказать, что она не преступница? Надежда только на бывшего опера Сергея, с детства влюбленного в Лизу...

Содержание

1	4
2	19
3	43
4	61
5	78
6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Ирина Хрусталева

Огнеопасная красотка

1

Лиза вышла из спальни и, нервно запахивая на ходу халат, спустилась в нижнюю часть дома, где были расположены бассейн и спортивный зал. Она зашла в помещение и, остановившись у двери, сосредоточенно о чем-то задумалась. Девушка уставилась прищуренным взглядом на спортивную грушу, висевшую в углу, будто на кровного врага. Минуту спустя Лиза подошла к ней почти вплотную, пробормотала ругательство в чей-то адрес и вдруг начала молотить по ни в чем не повинному предмету своими кулачками.

– На, на, вот тебе, получай, – шептала девушка, избивая висящий снаряд. Отбив кулаки чуть ли не до синяков, Лиза на мгновение остановилась. Недолго думая, она скинула халат и, оставшись в чем мать родила, побежала в сторону бассейна.

– Это же надо иметь такую наглость, – продолжала негромко шипеть девушка, – я лежу рядом с ним, а он – какую-то Аллу зовет!

Не сбавляя скорости, она нырнула в воду.

«А что, если покончить жизнь самоубийством, прямо вот

в этом бассейне? Пусть тогда мучается всю жизнь и скончается от угрызений совести», – подумала Лиза и погрузилась на дно. Ее организм почему-то начал сопротивляться решению хозяйки, и руки с ногами помимо ее воли повели интенсивную борьбу с головой, в которой зародились столь дикие мысли. В результате неравного боя победили конечности, и Лиза оказалась на поверхности, лихорадочно хватая ртом воздух.

– Уфф, чуть и вправду не утонула, – пропыхтела Лиза, отплевываясь. – Нет уж, лучше я его самого здесь утоплю, он, как теперь выясняется, вполне того стоит. Почему это я должна умирать? Я, молодая независимая женщина, должна бесславно лежать на дне этого рукотворного водоема, а он, значит, будет продолжать наслаждаться жизнью? Нет, такому не бывать! Утоплю его, и делу конец, – пришла к утешительному решению девушка и, проплыв еще раз туда и обратно, вылезла из бассейна.

Причиной бушующей в ее груди ярости были только что случившиеся события. Лиза с Виктором час назад занимались любовью. После того как все закончилось, девушка еще некоторое время не могла уснуть, а Виктор, как это обычно бывало и раньше, практически мгновенно сладко засопел у нее на груди. Она лежала и гладила его по голове, наслаждаясь покоем и удовлетворенностью. Когда Морфей уже открыл для Лизаветы ворота в свое сонное царство, девушка вдруг услышала, как ее мужчина, с которым она вот уже два

года делит эту постель два раза в неделю, ее Виктор, начал что-то бормотать во сне. И, о боже: начал звать какую-то Аллу, при этом очень эротично поглаживая грудь Лизы. Девушка сначала замерла, прислушиваясь, а потом, когда он вновь повторил это имя, от возмущения подскочила с постели.

«Ах, вот как? Значит, у него есть еще какая-то Алла? Значит, он спит еще с кем-то? Изменяет мне, женщине, которая предана ему и душой и телом?»

Такого Лизавета стерпеть не могла и заехала своему спящему сном праведника милому по уху. Тот недовольно заворчал, но не проснулся, а лишь перевернулся на другой бок, пробормотал еще что-то и засопел с новой силой. Лиза посмотрела на любовника полными презрения глазами и вышла из спальни, переполненная праведным гневом. В первое мгновение она даже растерялась, не поверив ушам своим, но, когда пришла в спортивный зал, гнев заполнил ее сознание до краев. Сейчас, немного выпустив пар на груше и охладив свой пыл в бассейне, девушка злорадно улыбнулась.

«Держись теперь, Виктор Викторович, не на такую напал! Я не буду терпеть рогов на своей голове, я их быстро обломаю – об тебя же. Не родился еще такой человек, от которого я бы терпела унижения, и уж поверь, мой дорогой, я сумею за себя постоять. Завтра я с тобой разберусь, и можешь не сомневаться, что получишь ты по полной программе. Если я этого не сделаю, то перестану сама себя уважать!»

Придя к соломонову решению, девушка почти успокои-

лась, вернулась в спальню и остановилась у кровати. Виктор как ни в чем не бывало продолжал спать, обнимая свою подушку и улыбаясь во сне.

– Прямо младенец безгрешный, – прищурившись, прошептала Лиза и поспешно отдернула руку, которая уже потянулась вперед, чтобы снова заехать ему по уху. Вместо этого она схватила одеяло и прикрыла голого Виктора, чтобы не искушать свои глаза открытой перед ними картиной. Она присела на краешек кровати и начала пристально рассматривать своего любовника, пытаясь выявить недостатки.

«А что, собственно, в нем такого особенного? Что такого я в нем нашла, за что держусь всеми правдами и неправдами? Красавец? Нет, не красавец, просто симпатичный. Умный? Да, умный, но не настолько, чтобы я могла потерять от этого голову. Ведь мы, женщины, любим ушами, но я вроде бы не очень глупая, знаю, что такое пустые слова, и цену я себе тоже знаю. Богатый? Ну, богатый, но это не главное для меня – у меня и своих денег достаточно. Сексуальный? Не сказать чтобы очень. Что же тогда меня заставляет быть с ним? И почему меня так оскорбило, что он, лежа рядом со мной, называет меня другим именем? – задумалась Елизавета. – Мало ли что ему могло присниться? Может, это его новая секретарша или просто какая-нибудь знакомая. Или вообще – жена какого-нибудь приятеля, а я, как дурочка, взбесилась. И все же, что меня держит рядом с этим мужчиной? – снова задала себе вопрос Лиза. – Ведь я совсем не умираю от люб-

ви к нему... А кто меня знает – что? – сделала заключение девушка, сама на себя разозлившись, – дурочка я, наверное, вот и вцепилась в недостойный себя предмет! Это все возраст, он неизбежно подбирается к критическому, и ничего здесь не попишешь, – вздохнула она, – как ни крути, а замуж уже давно пора. Ну, а если признаться себе откровенно, то, наверное, опять меня подводит мой характер. Решила выйти за него замуж, потому что... так решила! А еще, наверное, потому, что не люблю его по-настоящему, а это значит, что он никогда не увидит моих слабых сторон – я просто не позволю их ему увидеть. Хотя, если честно самой себе признаться, конечно, хотелось бы нормальной семьи, с детьми и с любящим, внимательным мужем, который не будет видеть во сне другую женщину, когда рядом лежит жена. Теперь я, конечно, подумаю, нужен ли мне этот всадник без головы, которую он потерял на чужой подушке! Если, конечно, я права и действительно обманута. Ладно, утро вечера мудренее, я ему все выскажу, что думаю, прямо за завтраком и посмотрю на его реакцию. Если мои догадки верны, я это сразу увижу, а уж тогда решу, как мне поступить дальше», – подумала напоследок девушка и ушла в другую комнату. Она решила принципиально не ложиться с ним, чтобы он, проснувшись утром, задумался, почему это ее нет рядом. Но, как известно, человек предполагает, а бог располагает, поэтому утром все получилось отнюдь не так, как планировала Лиза, а совсем даже наоборот. Вернее даже будет сказать, не наоборот,

а вверх тормашками.

* * *

Лиза проснулась оттого, что слышала непонятные звуки. В соседних комнатах шла какая-то возня, и по звукам падающих предметов это напоминало борьбу. До этого сквозь сон ей показалось, что надрывно лает Арто, собака Виктора, но ей не захотелось вставать. Сейчас же она окончательно проснулась, потянулась и потеряла руками глаза.

– Чем это он там занимается с утра пораньше? – проворчала она и, откинув маленькую подушечку, с которой так и уснула в обнимку, встала с дивана. Ночью она сама не заметила, как уснула, когда, уйдя из спальни, пришла в эту комнату и прилегла на диван. Слезы невольно полились из ее глаз, когда девушка устроилась здесь прямо в халате и начала себя жалеть, пока никто этого не видит.

«Два года коту под хвост! А еще клялся в любви, обещал, что, как только уладит какие-то важные дела, мы непременно пойдем в загс и подадим заявление. О наследнике мечтал, прохвост! Неужели я такая никчемная женщина, что, еще не женившись на мне, он уже изменяет? – Елизавета задумалась: – Может, и вправду, я сама виновата?»

Характер у Лизы был еще тот. Ее мать умерла, когда ей было всего три года, поэтому воспитанием дочери занимался в основном отец, офицер внутренних войск. Правда, бы-

ла еще бабушка, но Лиза не очень часто ее видела, только летом, когда отец отправлял девочку на вольные хлеба, как он любил выражаться. Бабушка часто просила его, чтобы он оставил девочку у нее насовсем, но отец был категорически против этого.

– Ты сделаешь из нее размазню, мама, – отвечал он ей, – она растет без матери, поэтому с малых лет должна уметь защитить себя, не быть плаксой, учиться порядку, а этому могу научить ее только я.

Вот он и учил... по-солдатски. Было такое впечатление, что он совершенно не понимал, что перед ним всего лишь ребенок, тем более девочка. Лиза была по характеру в свою мать, тихой и послушной, поэтому всегда выполняла требования отца. Подъем не позже семи утра, даже если это был выходной день, кровать застилать должна сама, быстро одеваться, умываться и завтракать. Воспитатели в детском саду приходили в ужас от того, как вытягивался в струнку ребенок, как бледнело у девочки лицо, когда ей делали замечание. Сколько раз пробовали говорить отцу, что так нельзя, что она девочка, на что он отвечал всегда одинаково:

– Это моя дочь, как хочу, так и воспитываю.

И он воспитывал – как хотел. Много позже, когда Лиза стала взрослой, она узнала от своей бабки, что Николай очень хотел мальчика и, когда родилась она, был очень расстроен, даже напился с горя. Когда мать с ребенком приехали из роддома, он даже не подошел и не посмотрел на дочь.

Так продолжалось почти все три года, пока была жива мать. Он никогда не водил ее куда-нибудь, как это делали другие отцы, никогда не играл с ней, а когда она плакала, всегда ворчал:

– С ума можно сойти от этого бабьего воя! Вот если бы у меня был сын, он бы никогда не плакал, потому что он – мужчина, будущий солдат.

И вот когда случилось так, что ему пришлось обратить внимание на дочь, он сделал это по-своему, по-мужски, по-военному. К четырем годам своим поведением девочка была похожа на маленького солдатика. Но, бог мой, никто тогда не знал, что творится в душе у ребенка, душе, еще такой хрупкой и ранимой. Да, она выполняла приказания отца, потому что до ужаса, до судорог в животе, до обморока боялась его. По мере того как девочка подрастала, она все чаще и чаще стала проявлять свой характер. Ей совсем не хотелось ссор, но она четко поняла, что должна бороться. Бороться за себя, за свою точку зрения; и она пробовала, но заканчивалось это, как всегда, побоями. Но девочка упрямо продолжала эту борьбу: за свои любимые игрушки, за книги, которые с периодической последовательностью выбрасывались отцом. Она очень любила фантастику, сказки, стихи, а отец ей всегда говорил:

– Нечего всяким хламом мозги засорять, почитай лучше о войне, как наши солдаты грудью шли на танки, чтобы вы сейчас могли наслаждаться жизнью.

Лиза совсем не хотела читать про войну, ей это было неинтересно, но раз отец говорит – значит, надо. И она читала – совершенно без интереса, постоянно думая о том, что, когда она вырастет, никому и никогда не удастся заставить ее делать то, чего она не хочет. Но комплекс уже развился, искоренить его было практически невозможно. Она ломала себя ежедневно, ежечасно, ежеминутно, и ей это давалось очень тяжело. Потом, когда она стала взрослой, она не раз проклинала отца за то, что он сделал ее такой. Совершенно неподдающейся, взрывоопасной натурой, не признающей ничьего мнения, кроме своего собственного. Она шла по жизни напролом, невзирая на препятствия. Где-то это помогало, а в чем-то только все портило. Девушка прекрасно понимала, что не права, но никогда и никому не признавалась в этом, даже самой себе. Она очень боялась, что кто-нибудь может увидеть, какая она на самом деле, поэтому оградила себя от всех своим дерзким и неуживчивым характером и была уверена, что это ее броня, которую никогда и никому не удастся пробить. Не дай бог кому-нибудь приходило в голову сказать что-то Лизе в приказном тоне. Дух противоречия восставал в ней с такой силой, что, будь тот человек четырежды прав, она ни за что не сделает так, как он хочет. Этим самым она мстила всем за свое загубленное детство, которое прошло «от приказа до приказа». Иногда ей очень хотелось, чтобы ее кто-нибудь приласкал и пожалел, но она подавляла в себе эти желания, потому что с самого детства научилась никому

не доверять. Единственным исключением из всех установленных ею правил была бабушка, которую она действительно любила. Вот так Лиза и жила в постоянной конфронтации со своими желаниями и нежеланиями.

– Быть доброй и покладистой – неблагодарное занятие, – так говорил отец, – я воспитываю своих солдат не добротой, а учением четко исполнять приказы. И не дай бог меня слушаться. Только так из них получатся настоящие защитники Родины.

«Но ведь я не солдат», – думала Лиза, но отцу ничего не говорила, потому что прекрасно знала, что за этим последует:

– Ты не солдат, но в будущем ты можешь стать матерью солдата.

Позже Лиза узнала, что отец не совсем здоров, и начало это проявляться после того, как он вернулся из Афганистана, – ей рассказала об этом бабушка. Его одержимость и фанатизм на военной почве – нездоровое проявление, но поделаться с этим она ничего не могла, да и не хотела, это уже было совершенно бессмысленно и поздно. Поздно в первую очередь для нее. Единственное, что Лизу успокоило после рассказа бабушки, это то, что она простила своего отца – сразу же и за все.

Наплакавшись вволю, вспоминая свое безрадостное детство, Лиза не заметила, как уснула, и вот сейчас ее разбудит-

ли эти странные звуки, доносящиеся из других комнат. Девушка подошла к двери и уже собиралась ее открыть, как услышала несколько глухих выстрелов. В первое мгновение она даже не сообразила, что это именно выстрелы, но, когда услышала последовавшие за этим слова, поняла, что не ошиблась.

– Ты посмотрел, он точно мертвый? – спросил хрипловатый голос.

– Все в порядке, мертвее не бывает, – ответил второй.

– А баба-то где? – поинтересовался первый.

– Странно, вроде нет ее сегодня здесь, а должна бы быть, – ответил другой голос, явно растерянно, – они всегда вместе спят, когда она приезжает, а это бывает по средам и субботам, я точно знаю. Наверное, ее нет – машины не видно, она обычно во дворе свою тачку ставит.

Лиза от испуга стекла прямо по стенке на пол, здесь же, у двери.

Ой, мамочки, «мертвее не бывает»! Они убили Виктора, охнула Лиза, и в голове зазвонил противный набат, будто по вискам застучали большими молотками. Так было всегда, когда девушка начинала сильно нервничать.

«И где я могла слышать этот голос?» – отстраненно подумала девушка, вслушиваясь в малейшие звуки за дверью.

– Должна быть здесь, посмотри в других комнатах. Они вчера вместе приехали, на его машине. Давай, давай, не стой как истукан, времени в обрез, ищи, она здесь! Найдешь, дол-

го не рассусоливай, знаешь, что делать нужно, – проговорил первый, и девушка, как только услышала эти слова, тут же вскочила и заметалась по комнате. До нее очень ясно дошел смысл сказанного, и она дико испугалась. Ей совсем не хотелось умирать, несмотря ни на что. Ни на то, что Виктор ей изменяет с какой-то там Аллой, ни на то, что у нее такой ужасный характер, ни на то, что из-за этого характера ее многие не любят, а некоторые даже ненавидят. И вообще, почему это она должна так глупо умирать, черт возьми?

– Ой, мамочки, сейчас они войдут сюда и найдут меня! Они хотят меня найти и убить! За что же это, интересно? Что делать? Где спрятаться? – продолжая метаться по комнате, как канарейка по клетке, неслышно подвывала девушка побледневшими губами. В углу стоял огромный плетеный сундук, который Виктор совсем недавно привез из Таиланда. Он вообще очень любил необычные вещи, и весь дом был напичкан всевозможными восточными штучками: напольными вазами огромных размеров, масками, которые висели на стенах практически во всех комнатах. Они так злобно скалились, изображая подобие улыбки, что, встретившись с такой страшной физиономией ночью, можно было бы запросто свалиться с приступом эпилепсии. Виктора это ничуть не смущало, а даже наоборот, он был уверен, что эти маски охраняют его дом от зла и приносят удачу. Когда в доме бывали гости, он с удовольствием демонстрировал свою необычную коллекцию и мог часами рассуждать о восточ-

ной философии, магии, оккультных науках и тому подобном. Сундук, который стоял в комнате, где сейчас умирала от страха Елизавета, был сплетен из настоящего бамбука, который произрастал на священной земле и нес в себе какую-то там необычную энергетику, приносящую необыкновенную удачу в бизнесе, ну и все вытекающие из этого обстоятельства блага. Во всяком случае, так утверждал продавец в лавке, где продавался этот сундук, и Виктор, конечно же, притащил его в Москву. Вот в него и нырнула сейчас Лиза, а сверху навалила на себя все вещи, которые там имелись. Человек, вошедший в комнату, чтобы посмотреть, нет ли здесь кого, сначала прошелся по ней, а потом начал заглядывать в шкафы. Девушка ясно слышала шаги и звуки, говорящие о том, что он открывает двери шкафов или чего-то еще. Она лишь молча молилась, чтобы он не заглянул в ее убежище. Диван, на котором только что спала Лиза, не оставил никаких следов ее пребывания. Ночью Лиза просто прилегла на него прямо в халате, подложив под голову одну из маленьких подушек, которые в огромном количестве валялись на нем и даже на полу. Вторую подушку она обняла, а ноги укрыла в груди остальных. Когда ее разбудили странные звуки, она просто вскочила с дивана, на котором остались подушечки, и на первый взгляд совершенно не было заметно, что кто-то совсем недавно здесь спал.

– Только бы он не заглянул сюда, только бы не заглянул! Господи, помоги мне, спаси и сохрани меня, – шептала де-

вушка молитву, как умела. Свои вещи, в которых она была вчера вечером, когда Виктор привез ее к себе, Лиза аккуратно повесила на плечики в шкаф. Туфли тоже были убраны на специальную полочку для обуви. Виктор был чистоплюем от макушки и до кончиков пальцев и очень не любил, когда вещи были разбросаны как попало. Не дай бог, если в раковине на ночь останется хоть одна непомытая чашка. Если в это время у него в доме была Лиза, то он мог довести ее до нервной икоты, пока она не помоеет эту злосчастную чашку. Если же никого нет, то он сам сделает это. Через день к нему приходит домработница и вылизывает все комнаты до зеркального блеска. Лиза злилась на своего любовника за его чрезмерное пристрастие к чистоте и порядку. Но сегодня она мысленно поблагодарила его за это, надеясь, что благодаря этому бандиты все же решат, что ее нет в доме. Если бы она разбросала свои вещи по стульям и креслам, как обычно это делала у себя дома, то эти люди, которые почему-то хотят непременно ее найти, сразу же догадались бы, что она находится в доме. Вчера была среда, и обычно Лиза в этот день, вернее ночь, бывает у Виктора. Она приезжает к нему под вечер, ставит свою машину во дворе, входит в дом и в первую очередь отключает все телефоны, чтобы никто не беспокоил ни Виктора, ни ее. Кстати, Елизавета живет в этом же коттеджном поселке, только на другом его конце, и хоть пешком до дома Виктора было минут двадцать ходу, она все равно ездила к нему на машине. Но вчера они были на юбилее у

его друга, и Виктор позволил себе выпить лишнего, поэтому Лизе пришлось сесть за руль его автомобиля и привезти любовника домой, а свою машину оставить у дома того самого друга.

«Надо же, они даже расписание моих визитов в его дом знают», – подумала девушка, продолжая клацать зубами от ужаса и страха. Она крепко зажмурила глаза и продолжала молиться, когда крышка сундука открылась и вещи, в которые зарылась девушка, полетели на пол. Она открыла глаза и увидела перед собой лишь черное лицо со сверкающими глазами в прорезях маски. Дальше все происходило как во сне. Перед ее глазами взметнулась рука с каким-то предметом, послышалось шипение, а потом... провал.

2

Лиза открыла глаза и уткнулась взглядом в низкий грязный потолок.

«Где это я?» – подумала девушка и попробовала приподняться. Голову пронзили тысячи болезненных иголок, и Лиза, сморщившись от боли, снова рухнула обратно.

– Что, трещить головушка болезная? Хи, хи, хи, – услышала Елизавета скрипучий прокуренный голосок и повернулась на его звук. В уголочке сидело невообразимо грязное существо в каких-то лохмотьях совершенно непонятного пола и возраста и скалилось абсолютно беззубым ртом.

– Кто вы? Где я нахожусь? – простонала Лиза.

– Неужто не видишь? В обезьяннике мы с тобой. Я тоже, когда переберу, с утра ничегошеньки не помню. Тебе бы опохмелиться сейчас, зараз полегчает. Да кто ж здесь даст похмелиться-то? У-у-у, ироды, токо и знают, что изгаляться над больными людьми! Хоть помирай здесь, им наплевать, ни за что не нальют. Ты вроде не похожа на алкоголичку. Проститутка, што ль? За что тебя сюда определили?

– Где я? – снова простонала Лиза, так ничего и не поняв из бормотания существа.

– Говорю ж, в обезьяннике, вон, погляди: мент мордатый за стеклом сидит, кемарит, сейчас рано еще, утро раннее. У их пересменка в восемь утра, отдежурил сутки – и пошел. Ра-

ботенка у их – не бей лежачего, токо и знают, как карманы у пьяных обирать. Ты свои-то проверь. Все там цело аль нет? У их это запросто: раз-два, и дело в шляпе, и ничегошеньки ты не докажешь, – скороговоркой гундосило существо, бросаая осторожные взгляды в сторону дежурного за стеклом.

– Как я сюда попала? – простонала Лиза, глядя ошарашенными глазами на говорящую кучу лохмотьев.

– Вот чего не знаю, того не знаю, – развело руками существо. – Меня когда привезли, ты уже туточки была, на лавке дрыхла. Меня-то ночью привезли. Я, хи, хи, в ларьке стекло разбила, кирпичом.

– Зачем? – сморщив от боли лицо, спросила Лиза. На самом деле ей было совершенно безразлично, зачем это было сделано, и задала она этот вопрос по инерции.

– А чтоб годика три дали, устала я на свободе-то. Ни пожрать по-человечески, ни выпить, – вздохнула собеседница, – там-то мой дом родной. А здесь что? Беспредел да беззаконие одно. Демократия, мать иху налево! На зоне-то больше порядка будет, чем здесь, тама каждый свое место знает. Вот сегодня Иван Васильевич придет и оформит меня, как положено, – радостно сообщила женщина, если, конечно, это бесполое создание можно было назвать женщиной.

– Кто такой Иван Васильевич? – снова задала Лиза вопрос, на самом деле ей было глубоко наплевать на какого-то там Ивана Васильевича, не помешало бы избавиться от этой страшной боли в голове и во всем теле.

– Так следователь. Он меня уже третий раз будет оформлять, давно с ним знакома, – улыбнулась баба и вытерла нос рукавом облезлой одежды, которая когда-то, наверное, считалась блузкой.

– Понятно, – прошептала Лиза, – значит, я в милиции?

– А где ж еще? Вот, смотрю на тебя и удивляюсь. Баба ты вроде ничего, приличная. Я сначала подумала, что проститутка ты, а счас гляжу, нет, не похожа. Я их много повидала, они совсем другие. Как же тебя угораздило так нажраться, что тебя сюда приволокли? И почему сюда, а не в вытрезвитель? Или натворила чего?

– Не помню я, – сморщилась девушка, – ничего не помню.

– Это худо, – вздохнула баба, – когда ничего не помнишь, что хошь припаять могут, любую статью. А ежели своего адвоката нет – совсем беда! Которых на суд государство определяет, положено так, чтобы защитник был, они и не стараются вовсе: им по хрену, что с тобой будет. Заплатить не можешь, значит, чеши на зону белым лебедем, – охотно делилась своим опытом сокамерница.

Лиза приподняла голову и осмотрела себя. Она была в том самом костюме, в котором приехала к Виктору. Девушка постаралась вспомнить, что же с ней произошло, но в голове вспыхивали лишь бессвязные обрывки событий. Вот она плавает в бассейне, потом – пустота, а потом снова вспышка, и она видит себя, лежащую в сундуке, а на нее сверху смотрит лицо в черной маске... Потом – вообще какие-то дикие

видения. Она сидит на полу с пистолетом в руках, а в комнату врываются вооруженные люди. Дальше – снова пустота, а затем врачи делают ей какие-то уколы, суют в рот противное лекарство, ее выворачивает наизнанку – и все, после этого – больше ничего, кроме противного гула в голове и боли во всем теле.

«Боже мой, что же это было? Почему я здесь? Как я вообще сюда попала?»

Лиза закрыла глаза, пытаясь расслабиться, чтобы избавиться от этой невыносимой боли в голове, и не заметила, как задремала.

– Просыпайся, начальство начинает подтягиваться, – услышала она голос над своим ухом и резко распахнула глаза. Голова уже почти не болела, и Лиза села на топчане. Пригладив взъерошенные волосы, она посмотрела на свою соседку.

– Ну, как ты, оклемалась? Я не стала тебя беспокоить, когда ты уснула. Во сне все что-то бормотала, на помощь кого-то звала, – рассказывала баба. Лиза посмотрела на женщину испуганным взглядом.

– Чевой-то с тобой? – удивилась та.

– Я вспомнила, – прошептала девушка, – я все вспомнила! Она вскочила и, подбежав к решетке, начала ее трясти.

– Выпустите меня, позовите начальника милиции, – закричала Лиза, – это недоразумение! Зачем вы меня сюда посадили? Моего жениха убили, я видела его мертвым! Это все

бандиты, один в черной маске был. Выпустите меня, я хочу сделать заявление!

Дежурный приподнял голову и нехотя проговорил:

– Успокойтесь, гражданочка, придет время – вас начальник сам вызовет. Сидите спокойно, не дебоширьте, а то мне придется вас закрыть в камере с бандитами.

– С какими бандитами? – недоуменно спросила Лиза и оглянулась на свою соседку. – О чем это он?

– Ты успокойся, не кричи, – зашептала баба, – мы сейчас в обезьяннике сидим, я ж тебе объясняла. Видишь, здесь только решетка, а тута есть еще и камеры, настоящие, с железными дверьми, КПЗ называется. Там преступников держат, пока их в тюрьму не определяют. Меня-то туда не сажают, потому как я совсем безобидная, хоть и буду теперь ждать приговора, – заулыбалась она беззубым ртом.

– Господи, – застонала Елизавета, – да что же это творится? Что происходит, объяснит мне кто-нибудь, наконец?

– Не гони лошадей-то, здесь этого не любят. Придет время, и все тебе объяснят в лучшем виде. Сядь лучше, да сиди, помалкивай, скоро завтрак принесут, – оттаскивая Лизу за рукав от решетки, зашептала баба.

Несколько часов спустя Лиза сидела в кабинете у следователя. Она уже пришла в себя после перенесенного потрясения и смотрела на мир вполне осмысленными глазами. Когда она была еще там, в доме, врачи «Скорой помощи» дела-

ли ей какие-то уколы, поили какой-то гадостью, но она воспринимала все это как нечто совершенно нереальное, ненастоящее. Ей все время хотелось тряхнуть головой и наконец проснуться, чтобы понять, что это – всего лишь сон, ночной кошмар, который почему-то продолжается и не хочет ее отпускать. Эти люди задавали ей какие-то вопросы, и она механически отвечала на них. Совершенно спокойно она оделась и прошла к милицейской машине, когда молодой человек в форме сказал ей, что нужно проехать с ними – до выяснения обстоятельств убийства. Только сутки спустя, когда она окончательно пришла в себя, уже в камере, она вдруг все вспомнила. Сейчас, когда она сидела в кабинете, до нее вдруг дошло, что от нее хотят, и она тарасилась на следователя ничего не понимающим взглядом.

– Гражданка Михеева, я еще раз спрашиваю: за что вы убили своего сожителя? – спрашивал молодой следователь, стараясь казаться чересчур строгим. Лиза, глупо улыбаясь, смотрела на него, стараясь понять, что это он сейчас такое говорит. Когда парень снова спросил ее о том же, она нахмурилась, а потом задала ему встречный вопрос:

– Вы что, молодой человек, рехнулись?

– Я вам не молодой человек, а следователь Краснощекий и веду следствие об убийстве Правдина Виктора Викторовича и его двух охранников.

– Ведите себе на здоровье, господин Красные Щеки, а я-то здесь при чем?! – продолжая хмуриться, проговорила Лиза и

увидела, как щеки молодого следователя покрываются красными пятнами, в полной мере оправдывая его фамилию.

– Краснощекий Вадим Петрович, – сквозь зубы процедил старший лейтенант.

– Не буду вам льстить и говорить, что мне очень приятно с вами познакомиться, – откровенно призналась девушка, – а я – Михеева Елизавета Николаевна, – язвительно проговорила Лиза и, скрестив руки на груди, уставилась на парня немигающим взглядом из-под нахмуренных бровей.

– Я задал вам вопрос – будьте любезны отвечать, – нетерпеливо проговорил следователь и тоже хмуро посмотрел на девушку.

– Не привыкла отвечать на глупые вопросы, – фыркнула Лиза и отвернулась в сторону окна.

– Почему – на глупые? – откровенно удивился парень, и торчащий хохолок на его макушке, казалось, возмутился вместе с хозяином, приподнявшись еще выше.

– Потому что такой вопрос, который вы мне задали, кроме как глупым, никак не назовешь. Мы с Виктором Правдиным любили друг друга, мы собирались пожениться. Это вы понимаете? По-же-нить-ся! – четко, по слогам проговорила Лиза. – А вы обвиняете меня бог знает в чем, – с раздражением добавила девушка.

– Но на оружии, из которого был убит Правдин и еще два человека, охранники, отпечатки ваших пальцев. Заметьте, ваших, и больше ничьих.

– Ну и что? – пожала Лиза плечами. – Вы что, никогда детективов не читали? Бандиты всегда в перчатках идут на преступление. Если бы это я убила Виктора, я бы тоже сначала надела перчатки. Я же уже все вам объяснила. Меня отключили какой-то гадостью эти бандиты. Неужели вам непонятно, что меня кто-то специально подставил?

– Не морочьте мне голову, Михеева. Нам позвонил мужчина и сообщил о преступлении. Правда, он не захотел называть своего имени, но это ничего не значит. Потом позвонила почтальонша от соседей Правдина и сказала, что в его доме мы найдем три трупа, в том числе и самого хозяина дома. И что убийца находится там же. Когда мы приехали, то действительно обнаружили трех убитых. Убитых вами, гражданка Михеева!

– Да с чего вы взяли, что это я их убила? – выходя из себя, закричала Лиза и вскочила со стула.

– Сядьте на место и не кричите, – повысил голос следователь, – я вам не ваш любовник, чтобы повышать на меня голос. Не забывайте, где находитесь! Вы сидели на полу с оружием в руках, из которого были убиты три человека, на нем отпечатки ваших пальцев, – терпеливо начал повторять старший лейтенант, устало глядя на Елизавету. – Мы так поняли, что вы поссорились со своим любовником и застрелили его, а когда прибежали охранники, услышав выстрелы, то и их...

– Бред, – покачала головой Лиза, – вы хоть сами-то сообщаете, что сейчас говорите?

– Я прекрасно соображаю, что говорю, а вот вам не советую отпираться. Чистосердечное признание учтется судом.

– Каким судом?! О чем вы вообще толкуете? Я никого не убивала, и вы не имеете права обвинять меня в том, чего я не делала, аргументируя только тем, что на пистолете мои отпечатки. Да, я помню, – нахмурила Лиза лоб, – правда, очень смутно, что сидела на полу в спальне и видела пистолет у себя в руках и еще Виктора – на кровати, в крови. Потом... а потом – снова все как в тумане.

– Это состояние аффекта, – тут же уцепился за умное слово следователь, – в таком состоянии люди очень часто совершают преступления, сами не ведая, что творят. Очень часто это происходит именно на почве ревности.

– Да никакого аффекта у меня не было, – взвилась Лизавета, – вернее был, но только ночью, когда я поняла, что Виктор мне изменяет!

– Так, так, так, – оживился старший лейтенант, – продолжайте. А что же было дальше?

– Я хотела утопиться, но потом решила, что это совсем не умно с моей стороны – умирать в таком цветущем возрасте, – фыркнула девушка.

– И решили убить лучше его, – обрадованно брякнул Краснощекий.

– Я так, конечно, решила со злости, хотела его в бассейне утопить, но потом уснула, а проснулась от шума драки.

– Значит, вы видели преступников, если, конечно, это вам

не приснилось? В чем я лично не сомневаюсь, – съязвил следователь.

– Никого я не видела, я в сундуке сидела, – огрызнулась Лиза.

– В каком еще сундуке?

– Что же вы такой бестолковый? – вздохнула девушка и начала объяснять, чеканя каждое слово, будто перед ней сидел дебил. – Когда я поняла, что в доме что-то происходит, я спряталась в сундуке, поэтому и не видела никого, а только слышала голоса. Один из бандитов так и сказал второму: посмотри, мол, в комнатах, если вдруг ее найдешь, знаешь, что делать надо. Это они меня искали, понимаете? Вот я от страха в сундук и нырнула, сидела там, думала, сердце остановится. Потом крышка открылась, и я увидела лицо в черной маске. Все, после этого я ничего не помню, только какие-то обрывки.

– Вы употребляете наркотики? – спросил следователь.

– Вы что, издеваетесь надо мной? – вспылила девушка и покраснела от негодования. – Никогда не баловалась такой гадостью!

– Когда в дом приехала группа захвата, вы находились под наркотическим воздействием, это было видно сразу.

– Я не хочу спорить с вами по этому поводу, потому что сама не уверена, что вы не правы. Мне брызнули чем-то в лицо, и после этого – провал. Потом обрывки каких-то воспоминаний, но то, что было до этого момента, я очень хоро-

шо помню. Виктора убили какие-то бандиты! Слова «мертвее не бывает» четко отпечатались в моей голове, я же вам уже об этом рассказывала. Я понятия не имею, как оказался пистолет в моих руках и как я сама очутилась в спальне.

– Ну вот, – вздохнул следователь, – вы опять за свое? Очень убедительно рассказываете, но факты говорят против вас. А как известно, факт – вещь упрямая.

– В каком смысле?

– Гражданка Михеева, я еще раз вам повторяю, что на пистолете, с которым мы и застали вас на месте преступления, ваши отпечатки пальцев. Вам нет смысла отпираться. Напишите явку с повинной – и все дела, вам же будет лучше. Тем более, есть свидетель.

– Какой еще свидетель? – вытаращила глаза девушка.

– Та самая почтальонша, которая потом и сообщила органам о совершенном преступлении. Кстати, она должна подойти с минуты на минуту. Есть еще одно свидетельство против вас, и оно полностью подтверждает версию об убийстве на почве ревности.

– Какое еще свидетельство? – устало вздохнула Лиза. Ей уже стало надоедать это бессмысленное переливание из пустого в порожнее, и она очень хотела поговорить с другим, более опытным следователем.

– Вам знаком этот конверт? – Вытащив из ящика стола конверт, парень повертел им перед носом Лизы.

– Впервые вижу, – пожала она плечами.

– Не хотите полюбопытствовать, что в нем?

– С удовольствием, вы очень умело воспламенили мое любопытство, – с сарказмом ответила девушка. Старший лейтенант открыл конверт и выложил на стол содержимое. Перед Лизой рассыпались веером какие-то снимки.

– Посмотрите, это очень любопытные фотографии, – с ехидной улыбкой предложил парень.

Елизавета взяла в руки одну и задохнулась от негодования. На снимках был запечатлен ее жених, Правдин Виктор, с какой-то рыжеволосой красавицей в недвусмысленной позе.

– Так вот какую Аллу ты вспоминал во сне, – прошептала девушка.

– Что за Алла? Кто такая? Как фамилия? Где проживает? Чем занимается? – тут же уцепился за ее слова следователь.

– Понятия не имею, кто это такая, – фыркнула Лиза, – это только мои предположения, что это именно та самая Алла, имя которой Виктор произносил во сне, и меня это страшно взбесило.

– Вот! – поднял палец вверх следователь. – И в это самое время вам на глаза попался пистолет и вы, недолго думая... хлоп – и пристрелили изменника.

– Вам бы романы писать, – ухмыльнулась Лиза и посмотрела на Краснощекого сочувственно. Ей очень хотелось сейчас высказать этому румянному парню все, что она о нем думает, но благоразумие удерживало девушку от опрометчиво-

го шага. Мозги работали в усиленном режиме.

«Нужно подумать, как отсюда улизнуть, а сказать все, что мне хочется, я и потом смогу. Специально сюда для этого приеду и размажу этого милиционеришку по его собственному кабинету, морально конечно. Только бы нашлись доказательства, что я здесь абсолютно ни при чем, что это чудовищная ошибка!»

– Это же надо до такого додуматься – я убила Виктора да еще охрану вдогонку! Чушь собачья, – фыркнула Елизавета, даже сама не заметив, что последние слова она произнесла вслух. Краснощекий уже открыл рот, чтобы поинтересоваться у подследственной, что она имеет в виду, но в это время в дверь осторожно постучали, и следователь довольно заулыбался.

– О, вот и свидетель, – проговорил он и крикнул: – Входите, пожалуйста!

Дверь открылась, и в проеме показалась трехцветная голова – пепельно-рыже-черная.

– Можно? – почти шепотом поинтересовалась голова.

– Да-да проходите, Зинаида Ивановна, мы вас ждем.

Женщина протиснулась в дверь боком и остановилась у порога.

– Что же вы остановились в дверях? Проходите, садитесь, – улыбался как можно шире следователь.

Зинаида Ивановна неуверенно засеменила к стулу и устроилась на его краешке. При этом она все время с опас-

кой поглядывала в сторону Лизы. Та приняла непринужденную позу, закинула ногу на ногу и уставилась на женщину пристальным взглядом.

– Зинаида Ивановна, мне бы хотелось задать вам несколько вопросов, – приторно-ласково проговорил Краснощекий.

– Пожалуйста, задавайте, я всегда с дорогой душой, – зачастила женщина и снова нервно посмотрела на Елизавету.

– Вы знаете эту женщину? – указав на Лизу, спросил старший лейтенант.

– Чтобы быть лично знакомой, того нету, не буду врать. А вот видеть видала.

– Когда? При каких обстоятельствах?

– Так она же на моем участке живет.

– На каком еще участке? – удивился следователь. – При чем здесь ваш участок?

– Я почти разношу по всему поселку, это мой участок, вот, ее дом тоже обслуживаю и Виктора Викторовича тоже, – испуганно посмотрев на строгого милиционера, торопливо объяснила женщина.

– Ну, хорошо, хорошо, я все понял, – приподняв руку, сказал следователь и поставил вопрос другим образом: —Когда и при каких обстоятельствах вы видели Михееву в последний раз?

– Дык, утром вчера и видала. Это ж она, убивица!

– Как это случилось?

– Что случилось? – подавшись вперед, к столу, за которым

сидел следователь, спросила женщина и, перейдя на шепот, добавила: – Убийство, што ль?

– При каких обстоятельствах вы видели эту женщину? Как могло случиться так, что вы стали свидетелем преступления? – начиная раздражаться, повторил свой вопрос Краснощекий.

– А, вы про это? Я ж почтальонша, бегаю по домам, газетки разношу, журналы. Виктор Викторович, покойный, всегда журналы выписывал: «Капитал», «Биржа», «Деньги», – перечисляла женщина, чем немало утомила слушателей, и следователь решил прервать нескончаемый словесный поток.

– Это все понятно, Зинаида Ивановна. А как вы попали в дом?

– Дык, я про это и рассказываю, – удивилась почтальонша. – Принесла я ему, как всегда утром, газетки да журналы, я их никогда в ящик не опускаю, всегда стараюсь лично из рук в руки передать. А как же? Я человек очень ответственный, всех клиентов наперечет знаю, всем угодить стараюсь, чтоб не обижались, – кивала она головой в такт сказанному. – Они ж дорогушие, журналы-то, пропадет какой, а к нам, к почте, я имею в виду, претензии! Ну вот. Прихожу я, значит, к двери-то подхожу, а она нараспашку. Я стала звать Виктора Викторовича, а он не отзывается. В дом-то и прошла. Иду я, значит, и все его кличу, а мне никто не отвечает – совсем тихо. В коридор прохожу, а там два человека

на полу лежат. Я сначала замерла, остолбенела даже, хотела было обратно поворачивать да бежать, да тут слышу – кто-то подвывает. Тихонько так – к дверям, откуда звук доносится, подкрадываюсь... Ой, батюшки, я как увидела страсть такую, так на пол и присела, испугалася, аж до колик в животе! Кровищи-то, кровищи на кровати, ужас, одним словом! Думала, инфаркт у меня приключится прямо там. Сердце-то у меня больное, пошаливать стало в последнее время, врачи говорят, нервничать нельзя, а где ж тут не нервничать, когда страсть такая перед глазами! А она-то – женщина махнула головой в сторону Елизаветы – на полу сидит, аккурат возле кровати, где покойный лежит, царство ему небесное, хороший был человек, уважительный, культурный. Так мне жалко его, так жалко, и не могу передать!

– Продолжайте дальше по существу дела, – процедил следователь сквозь зубы, явно теряя терпение от нескончаемого потока совершенно ненужной информации.

– Ну да, ну да, я и говорю, эта убивица, – женщина скосила глаза на Лизу, – сидит возле кровати-то и пистолетом размахивает! Сама белая, что простыня, из стороны в сторону качается, глаза безумные. Я как глянула на все это – ноги в руки да бежать! Испугалася, аж страшно говорить как, – вновь повторила она и схватилась за сердце, – сама бегу, а так и кажется, что она сейчас мне вслед стрельнит! Я ведь сразу сообразила, что это она там их всех... конечно, она! А кому ж еще? Сидит и пистолетом так и машет, так и ма-

шет, видать, помутнение какое в голове. Ну вот, слава богу, убежала я из того дома-то цела и невредима. К соседям прибегла: «Звоните, – кричу, – в милицию, там смертоубийство произошло!» Хорошие люди там живут, я им тоже газетки да журналы приношу. «Звоните, – говорят, – сами, вон там у нас телефон». Я вам и позвонила. Вернее, позвонила-то я в «02», а уж они меня переключили на вас. Ну, вот и все.

– Зинаида Ивановна, вы пока в коридорчике посидите, а потом я вас вызову, и вы все напишите на бумаге, – сказал следователь с улыбкой на губах.

– Дык, некогда мне ждать, милок, мне на работу бечь надо, я у начальницы нашей всего на час и отпросилась.

– Ничего страшного, я вам повестку выпишу.

– На кой ляд мне твоя повестка? Я женщина пенсионного возраста, меня на почте держат из-за того, что я двадцать годов там отпахала. Если начальницу рассержу – уволит и фамилии не спросит. А у меня пенсия – на один раз в магазин сходить, если без работы останусь – с голоду только и помирять! Нас, пенсионеров, не очень-то на какую работу берут, только вон рекламу у метро раздавать и в мороз, и в жару или газетами торговать. У меня уж силы не те, чтобы весь день на ногах стоять на одном месте, да и больные они у меня. А на почте-то не сказать чтобы я очень и устаю. Утречком разношу газетки да журналы, у меня сумка такая есть на колесиках, чтобы на руках не носить, я в нее все сложу – и поехала, уж приноровилась, удобно и не тяжело, – строчила

словами женщина, боясь, что следователь ее сейчас перебьет и заставит ждать в коридоре. – И участок мой не очень чтобы большой, этот коттеджный поселок. Вот я его пробегу – и свободная. Только по вторникам и пятницам мне начальница еще дополнительную работу дает – сортировкой писем я занимаюсь, – а сегодня как раз пятница и есть. Не могу я сидеть, сынок, ты уж не обижайся, я в другой раз приду и все напишу, а счас побегла я, – торопливо говорила женщина, прижимая руки к груди и пятясь к двери.

– Ну хорошо, – уступил Краснощекий, – в понедельник сможете к трем часам прийти?

– К трем-то? Конечно, сынок, к трем обязательно приду, – обрадованно кивая головой, сказала женщина и проворно выскользнула за дверь, еще раз с опаской глянув в ту сторону, где сидела Лиза.

Следователь повернулся к девушке и, довольно улыбаясь, спросил:

– Ну, что вы на это скажете?

– Скажу, что я очень разочарована, – сморщила она носик.

– В чем, интересно?

– В наших доблестных правоохранительных органах.

– Что так?

– А то, что свидетельские показания этой престарелой дамы, кажется, не очень образованной, выведенного яйца не стоят.

– Это почему же? – возмутился парень.

– Она видела то же самое, что увидели и вы, когда приехали в дом.

– И это лишний раз доказывает вашу причастность к данному преступлению, – радостно подытожил Краснощекий.

– У меня живот заболел, – прервав радостное возбуждение старшего лейтенанта, выпалила Лиза. – Сейчас прохватит, – для убедительности добавила она, совершенно серьезно глядя следователю прямо в глаза.

– Это стресс, – сделал заключение Краснощекий.

– Где здесь у вас туалет? – спросила Лиза, вставая со стула и одергивая свой пиджачок.

– По коридору, до конца. Впрочем, я вас сам провожу, – вскакивая вслед за Лизой со стула, засуетился старший лейтенант.

– Не стоит беспокоиться, я сама дорогу найду, – кисло улыбнулась она.

– Не положено, – отрезал Краснощекий.

– Я что, арестована? – прищурилась девушка.

– А вы разве не знали? – удивился парень.

– Представьте, нет. А ордер на мое взятие под стражу есть?

– Сейчас будет, – счастливо заулыбался служивый, – вот только прокурор подпишет, и все дела. Мой вам дружеский совет, – наклонившись к девушке, проговорил следователь. – Вы только явку с повинной напишите, и делу конец, остальное я беру на себя, постараюсь дело представить в наиболее

выгодном для вас свете. Зачем антимионии разводиться? И вам это учтется, да и мне не возиться. Кроме вашего дела, у меня еще три в производстве.

– Да? Вы такой востребованный следователь? – хищно улыбнулась Елизавета, уже готовая вцепиться этому молодому безусому Краснощекому прямо в глаза своими длинными ногтями. В это время в кабинет вошел еще один молодой парень и протянул следователю конверт. – Вот, это результаты экспертизы. В крови подследственной обнаружен сильнодействующий наркотик.

– Петров, когда ты научишься правильно работать? – зло проговорил Краснощекий, яростно вращая глазами. – Врываешься в кабинет, отдаешь улики при постороннем человеке, излагаешь секретную информацию! В чем дело? Мне придется доложить начальству.

Парень покраснел как рак и выскочил из кабинета с завидной поспешностью. Краснощекий покачал головой:

– Практикант, навязался на мою голову, все нервы с ним уже измотал за месяц.

Следователь открыл конверт, вытащил оттуда заключение и счастливо заулыбался.

– Ну вот, это еще одно доказательство того, что вы наркозависимы и совершили преступление под воздействием наркотика, – очень довольным голосом сказал он. – Признаюсь, вы мне симпатичны, поэтому хочу дать вам совет: настаивайте на состоянии аффекта на почве ревности. Это будет

считаться непреднамеренным убийством – меньше срок дадут, это я вам как профессионал говорю, – понизив голос, доверительным тоном промолвил Краснощекий.

– Меня сейчас прохватит прямо в вашем кабинете, – напомним о своем намерении пойти в туалет, выпалила Лиза, игнорируя слова следователя.

– Да-да, пойдете, продолжим чуть позже, извините, – поторопился услужить следователь, заранее потирая руки, что так быстро завершит это дело и получит благодарность от начальства. Он проводил девушку в конец коридора и уже вознамерился войти вместе с ней в туалет, как услышал возмущенный голос Лизы:

– Вы что, господин следователь, собираетесь сидеть на унитазах вместе со мной?!

Тот растерянно оглянулся по сторонам и зашептал:

– Но я не имею права оставлять вас одну. Там кабинки с дверями, я на вас и не собирался смотреть!

– Это безобразие, стойте здесь на здоровье, а туда, где я буду справлять свою нужду, входить не смейте, я стесняюсь. Вы же мужчина, как-никак, хоть и очень молоды, – не забыла вставить шпильку Лиза.

Парень покраснел, как молодая морковка, и даже вспотел.

– Ладно, идите, я здесь постою, только быстро, – все так же шепотом проговорил он.

– А это уж как получится, – лучезарно улыбнулась Елизавета и скрылась за дверью туалета. Она увидела на двери

щеколду и тут же воспользовалась ей, чтобы закрыться. Девушка принялась внимательно осматривать помещение. Лицо ее мгновенно приобрело серьезное и очень озабоченное выражение. На окне была решетка, поэтому Лиза сразу же отмела мысль убежать этим путем.

«Что делать? Что же мне делать? Ведь действительно посадят ни за что! Нужно бежать отсюда как можно быстрее и дальше. Но как?»

Девушка обошла все помещение, подергала на окне решетку и пришла к неутешительному выводу.

– Кажется, мне придется несколько лет пилить дрова на Колыме!

Ей совершенно не пришлась по душе эта перспектива, и она еще раз начала осматривать помещение. Глаза опустились к полу, и Лиза увидела большую решетку, закрывавшую проем.

– Здесь бы мне удалось пролезть! Интересно, куда она ведет? То, что не вверх, это ясно, значит, вниз, в подвал.

Она подошла к решетке и подергала ее. Практически не сопротивляясь, та отделилась от стены, и перед взором девушки открылась дыра вполне подходящих размеров. Лиза поспешно спихнула ногой отвалившуюся штукатурку в образовавшуюся дыру, чтобы не было никаких следов.

– Здесь я пролезу как нечего делать. Только вот куда меня эта дорога приведет? А какая разница – куда? Лишь бы не в тюрьму, – сделала заключение девушка и поставила ре-

шетку на место. Она подошла к двери и, открыв ее, вышла в коридор, где Краснощекий нервно нарезал круги от стены к стене.

– Все в порядке? – облегченно вздохнул он, увидев Лизу.

– Вроде да, – кисло ответила она и направилась в сторону кабинета. Следователь чуть ли не вприпрыжку побежал за ней. В середине пути девушка резко остановилась и схватилась за живот.

– Ой, мамочки, кажется, опять, – простонала она и вытаращила глаза на парня. Не спрашивая разрешения, она опрометью бросилась в обратном направлении. Едва захлопнув дверь и задвинув защелку, девушка подбежала к решетке, отделила ее от стены и опустила ноги в лаз.

– Господи, благослови, – прошептала она и начала сползать. Через некоторое время ноги ее уперлись во что-то, и Лиза поставила их на твердую опору. Ее голова была на уровне пола в туалете, и девушка, немного подтянувшись, достала решетку и приладила ее на прежнее место. Дальше ей пришлось ползти на четвереньках, потому что лаз уходил не вниз, а куда-то в сторону. Только вот в какую, девушка не представляла, но все же решила рискнуть. Она работала руками и ногами с такой скоростью, что преодолела расстояние метров в двести за считанные минуты. Лоб ее, покрытый от напряжения мелкими бисеринками пота, уперся в какую-то металлическую заслонку, и Лиза остановилась.

– Так, и куда это, интересно, меня занесло? – прошепта-

ла она и толкнула препятствие. Заслонка со скрипом отдвинулась, и обрадованная девушка решила продолжить путь в том же направлении. Но не тут-то было! Стоило ей сделать пару движений, как тело приняло положение «ноги вверх», и Лиза полетела куда-то вниз.

3

Краснощекий нервно посматривал на часы, а потом на дверь, за которой скрылась его подследственная вот уже двадцать минут тому назад.

– Ну, сколько можно? – раздраженно прошептал парень и решительно подошел к двери. Он дернул за ручку, но дверь не поддалась. – Вот, черт возьми, она еще и закрылась! Не баба свалилась на мою голову, а стихийное бедствие, – проворчал он и негромко постучал: – Эй, гражданка Михеева, сколько можно там сидеть? Прошло уже достаточно времени, чтобы... все закончить.

Он прислонил ухо к двери, пытаясь хоть что-то услышать в ответ, но ему ответила гробовая тишина, нарушаемая лишь шелестом воды. Следовательно еще раз постучал и растерянно начал оглядываться по сторонам.

– Что делать-то? Может, дверь взломать? Шума наделаю, сразу все из кабинетов повыскакивают.

Он со злостью посмотрел на препятствие, разделяющее его с преступницей, и с силой пнул дверь ногой. Защелка моментально отскочила, так как держалась на одном шурупчике, да и тот был наполовину отвинчен. Дверь распахнулась, и Краснощекий зло крикнул:

– Гражданка Михеева, выходите немедленно! Сколько бы вы здесь ни сидели, это не исправит вашего положения!

Тишина, нагло лезущая в уши, заставила спину следователя покрыться холодным противным потом. Уже предчувствуя неладное, он шагнул в помещение и замер, раскрыв от удивления рот. Три кабинки приглашали посетительей внутрь, стоя с гостеприимно распахнутыми дверями.

– Етит твою мать, – только и мог охнуть парень, понимая, что произошло, – сбежала, стерва!

Он бросился к окну и начал проверять решетку, но та на- смерть держалась на своем месте.

– Через окно смыться не могла – решетка крепкая. Тогда как? Не с водой же в толчок уплыла?! – бормотал парень, на всякий случай заглядывая во все унитазы. – Ох ты, господи, с меня же теперь погоны вместе с головой снимут, – запричитал, схватившись за голову, старший лейтенант и закрылся на одном месте как юла. – Нужно срочно организовать перехват, – сообразил наконец он и опрометью бросился по коридору в сторону кабинета начальника.

* * *

Елизавета приземлилась на все четыре точки, пролетев на животе по какому-то бетонному уклону примерно метра три-четыре. Она больно ободрала руки и колени, но не обратила на это внимания. Там, где она оказалась, было совершенно темно. Девушка посмотрела наверх, откуда только что слетела, и злорадно прошептала:

– Получи без сдачи, господин Красномордый! Я не готова сидеть в тюрьме без вины. Если вы считаете, что я говорю неправду, значит, эту правду я постараюсь найти сама.

Она выставила руки вперед, чтобы не удариться в темноте о какой-нибудь предмет или стену, и пошла. Шла она долго, под ногами что-то противно чавкало, а чуть в стороне слышался шум воды. Понемногу ее глаза уже начали привыкать к темноте, когда впереди замаячил тусклый свет. Лиза чуть ли не бегом ринулась к этому свету, но резко затормозила, услышав голоса:

– Давай откручивай. Что ты телишься, как баба беременная?

Девушка на цыпочках начала приближаться к источнику света и голосов, чтобы посмотреть, кто это там разговаривает. В тусклом свете ей удалось разглядеть несколько автомобилей, которые сиротливо стояли вдоль стены, оставшись с одними ржавыми остовами.

– Повезло сегодня, крутую тачку увели. Черный обещал все запчасти за налик забрать, – снова донеслось до ушей Лизы, и она резко остановилась. В это время она почувствовала, что на ее ногу... кто-то уселся, а когда опустила глаза – они тут же буквально переместились на затылок. На ее ноги с изумительной наглостью села крыса чудовищных размеров и спокойно смотрела на Лизу снизу вверх, шевеля усиками. Лиза набрала воздуха в легкие под самую завязку и, выпуская его в обратном порядке, завизжала так, что крыса от

неожиданности подпрыгнула на месте, как кузнечик, и снова плюхнулась на ногу девушке. Дальнейшие события начали происходить, как в плохом кино, где «она» бежит, а «он» ее догоняет, и все это – в ускоренном темпе.

– Стой, зараза, – орал парень, топающий сзади, – все равно поймаем!

Лиза неслась на всех парусах, совершенно не разбирая маршрута. Она заворачивала в какие-то лабиринты, выныривала из них и снова бежала, не сбавляя скорости, которую развила уже чуть ли не до сверхзвуковой. Остановиться ей пришлось только тогда, когда она, больно ударившись о стену, вдруг почувствовала, что куда-то вместе с этой стеной проваливается. Сначала упала стена, потом Лиза, потом – снова остатки стены, которые и накрыли девушку. Она успела закрыть голову руками и почти не почувствовала удара. Девушка ясно услышала топот ног, который пронесся чуть в стороне от того места, где ей пришлось приземлиться, и облегченно вздохнула:

– Побуду немного здесь, поищут и перестанут. Хотя задерживаться тоже нельзя, наверняка следопыт Красномордый обнаружил мое исчезновение из туалета.

Лиза представила лицо молодого следователя и тихонько прыснула со смеху.

– Вот удивится-то! Ладно, смех смехом, а дело пахнет сроком, и немалым, судя по тому, какую статью мне хотят инкриминировать. А теперь еще и побег припаяют. Тоже мне,

нашли козу отпущения! Это же надо, до такого додуматься! Я, совершенно безобидная, почти божья коровка – и трех человек пристрелила?! Только менты могли до такого додуматься. Нужно быстро искать выход из этого подземелья и выбираться на свободу. Выход должен быть где-то рядом, ведь как-то загоняют сюда эти «деловые люди» угнанные машины? Правда, от того места я, кажется, далеко убежала. Все равно, нужно быстрее выход искать, и мне, я думаю, не стоит здесь мозолить глаза, а надо убираться подобру-поздорову. Еще не хватало попасть на крючок к угонщикам! Хорошо, что здесь темно, наверняка не разглядели, кто да что. Иначе несдобровать бы мне, как пить дать! Во дела, нашли же место, где машины разбирать, нарочно не придумаешь, – усмехнулась Елизавета, – в московском подземелье, оказывается, всюю идет своя жизнь, в основном, конечно, криминальная, никогда бы не додумалась. Век живи и делай открытия.

Она начала потихоньку себя откапывать из-под рухнувшей стены, которая так и рассыпалась прямо на ней.

– Что теперь будет с моим маникюром? – проворчала девушка и горько усмехнулась этой мысли, пришедшей ей в голову в такой неподходящий момент. – Мне сейчас нужно думать, как свою судьбу дальнейшую спасти, чтобы на ней не осталось черного пятна в виде судимости за убийство, а не о ногтях беспокоиться! Хотя, если хорошенько подумать, маникюр тоже не последнее дело в жизни женщины. – Ли-

за всегда считала, что ухоженные руки – это своего рода визитная карточка любой женщины, поэтому очень тщательно ухаживала за ними. Два раза в неделю девушка делала для рук специальные ванночки, ну и, естественно, маникюр. У Лизы была постоянный мастер Нина, которая приходила к ней сама.

Освободившись из-под трухлявых руин, девушка приняла вертикальное положение и огляделась вокруг. Темень была хоть глаз выколи, но Лиза не стала понапрасну отчаиваться и решительно шагнула в неизвестность. Она долго шла с вытянутыми вперед руками, чтобы не приложиться лбом обо что-нибудь, когда увидела впереди непонятное пятно света. Оно колыхалось из стороны в сторону и явно приближалось к ней с противным чавканьем. Девушка прижалась к ближайшей стене и напряженно вытаращила глаза в ту сторону. Глаза уже относительно привыкли к темноте, и Лиза увидела, что светящийся шарик находится на голове какого-то непонятного существа огромного роста, опутанного проводами. Конечности, которые называются у нормальных людей руками, свисали ниже колен, а голова была огромной, яйцеобразной формы, с одним-единственным светящимся глазом. Лизу буквально парализовало от ужаса, и она, все больше вжимаясь в стену, почувствовала, что ноги ее подкашиваются, а из горла вырываются нечленораздельные хрипы. Когда существо приблизилось ближе, девушку ослепил светящийся глаз, и она с мыслью: «Боже мой, кажется, я потихоньку схо-

жу с ума, раз мне мерещатся инопланетяне» – рухнула без чувств к ногам гуманоида.

– Эй, красавица, очнись! Что это с тобой? – услышала Лиза мужской голос сквозь вату в ушах. – Вот еще напасть, мне здесь только обморочных баб не хватало, – проворчал голос и залепил Лизавете ощутимую оплеуху. Девушка открыла глаза, пару раз ими хлопнула и резко села.

– Ты кто? – выдохнула она.

– Я-то? Я – Петя. А ты кто такая? Откуда сюда свалилась? Елизавета потеряла лоб и нерешительно произнесла:

– Кажется, я была в обмороке?

– Точно, я подхожу, а ты здесь валяешься. Как ты сюда попала?

– Я?..

– Нет, я, – рывкнул парень, – ты что, головой шандарахнулась, что не понимаешь вопросов?

– Я в люк провалилась, – тут же нашлась Лизавета, испугавшись до икоты резкого рыка гуманоида.

– Какой люк, что ты несешь? Здесь рядом никаких люков нет.

– Я плохо сейчас соображаю, – простонала девушка, – но точно помню, что вечером шла и не заметила, что люк открыт. Шагнула в пустоту – и все, а потом, когда очнулась, пошла куда-то, чтобы выход найти, и заблудилась, – скороговоркой сыпала словами Лиза, на ходу придумывая версию

своего попадания в московское подземелье.

– Зачем же искать выход, когда говоришь, что в люк провалилась? Там, где вход, там и выход, – прищурившись, спрашивал парень, недоверчиво качая головой. – Ой, деваха, что-то ты мне здесь заливаешь.

– Нет, честное слово, я правду говорю! Я когда очнулась, увидела, что вдалеке свет виднеется, ну, и пошла туда, а там... – она запнулась на полуслове.

– Ну, и что там? Продолжай, – требовательно проговорил парень.

– А там угонщики машин очередную жертву раздевают, машину, я имею в виду, ну, это самое... разбирают на запчасти. Мне в это время крыса на ногу села, а я их до обморока боюсь, вот я и заорала. А они, ну, те, которые с машиной, погнались за мной. Я и дала деру что было сил, а пока бежала, заблудилась, – закончила девушка, тяжело вздохнув. Посмотрела на парня хмурым взглядом и буркнула: —А тебя я вообще за инопланетянина приняла.

– За кого? – округлил он глаза.

– За инопланетянина, – снова буркнула Лиза и, увидев, как заблестели зубы смеющегося парня, заорала: – Ты чего веселишься, твою мать? Я бы посмотрела на тебя, если бы ты на моем месте оказался! Иду в крошечной темноте, и вдруг навстречу громадина с одним глазом на выпуклом лбу, сам весь в проводах! Что я должна была подумать?!

– Это не глаз, это лампочка на каске, – продолжая смеять-

ся, проинформировал ее Петр.

– Теперь я и без тебя вижу, что лампочка, – насупилась Лиза, – помоги мне подняться, ноги уже не держат, сплошные стрессы в последнее время, – протянув руку парню, проворчала она. Петр помог ей подняться и, склонив голову набок, начал наблюдать, как Лиза старается стряхнуть с юбки прилипшую намертво грязь.

– Не старайся, здесь все пополам с мазутом, вещи выбросить придется, – улыбнулся Петр и, крепко взяв Лизу за руку, повел к выходу.

– А ты что здесь делаешь, работаешь, что ли? – задала девушка вопрос, стараясь не отставать от парня.

– Да, работаю, – буркнул он в ответ и резко остановился. – Вон там, видишь, красный фонарь висит? Вот это и будет выход. Сначала попадешь в подвал старого дома, дверь там открыта, она выведет тебя в подъезд, а потом и на улицу. Все поняла?

– Ага, – Лиза кивнула, благодарно улыбувшись парню.

– Давай топай и больше никуда не проваливайся. Скажи спасибо, что я на тебя нарвался, могла бы в такие лабиринты попасть, что вовек бы выхода не нашла.

– Правда, что ли? – недоверчиво спросила девушка.

– Правда, правда, здесь под землей свои законы и правила, а уж неразгаданных тайн еще больше. Иди и никуда не сворачивай больше, – снова проговорил Петр и повернулся к Лизе спиной, чтобы идти своей дорогой.

– Спасибо тебе, Петя, а меня Елизаветой зовут, – улыбнулась девушка широкой спине.

– Не на чем, – ответил парень и зашагал в сторону, противоположную той, куда должна была идти Лиза. Так больше и не обернувшись, он быстро скрылся в темноте.

Небольшая полоска красного света призывно алела вдалеке, и Лиза решительно направилась в том направлении.

– Надеюсь, господь меня не оставит, и я сейчас действительно найду выход, как и обещал этот странный Петр, – шептала девушка, торопясь дойти до источника света. Это оказалась ржавая металлическая дверь, и, когда Лиза стала ее открывать, раздался такой противный скрип, что по всему телу у нее побежали мелкие мурашки.

– Фу, зараза, аж мороз по коже, – вздрогнула Лиза, но занятия своего не прекратила, а даже наоборот, постаралась побыстрее справиться с задачей. Она попала в огромное помещение, которое парень назвал подвалом, и начала озираться по сторонам. Темноту освещал лишь тусклый свет лампочки, которая болталась где-то в поднебесье, во всяком случае, так показалось Елизавете.

– Mamочки, кажется, я никогда больше не увижу солнечного света! У меня такое чувство, что я нахожусь в этом подземелье по крайней мере уже лет сто. Куда мне идти-то теперь? Тоже мне, еще мужик называется, не мог проводить перепуганную насмерть женщину. Бросил на произвол судьбы, и все по... этому самому месту. Что за народ такой рав-

нодушный пошел? Хоть бы план нарисовал, – без остановки ворчала Лиза, крутясь на месте как заведенная. Наконец она выбрала наиболее подходящее направление и шагнула в ту сторону. Пройдя метров пять, она услышала странный шорох и замерла как вкопанная.

«Кажется, это никогда не закончится! Если я сейчас еще кого-нибудь встречу, я уже этого не выдержу. Что за странный народ пошел? Нашли место где шлаться», – подумала она и стала вглядываться в темноту. До ее слуха донеслось шуршание и попискивание, и, поняв наконец, в чем дело, Лиза задрыгала ногами, как в припадке, и, сорвавшись с места, понеслась куда-то, не разбирая дороги. Ей казалось, что она каждую минуту наступает на живых крыс и мышей, и ужас от осознания этого гнал ее вперед с завидной скоростью. Метров через пятнадцать она резко затормозила у открытой двери и перевела дух.

– Слава тебе, господи, кажется, я у цели!

Выход был на старую лестницу, куда девушка шагнула с огромной опаской. Когда она прошла два пролета вверх, оказалась в подъезде какого-то старого дома. Недолго думая, Лиза выскочила на улицу и, не сбавляя скорости, понеслась на проезжую часть. Когда она попыталась поймать машину, то недоумевающе подумала: почему это водители сначала тормозят, а потом, резко срываясь с места, уезжают? Наконец до нее дошло: надо повнимательнее себя рассмотреть; от ревизии собственной внешности она пришла в дикий ужас.

– Чему же здесь удивляться, – проворчала Лиза, – я похожа на пострадавшую от террористического акта. И бомбу, похоже, взорвали прямо на мне!

Девушка оглянулась по сторонам и увидела магазин «Модная одежда».

– О, это как раз то, что мне сейчас нужно. Интересно, на какой я улице? – всматриваясь в табличку на доме, прошептала Лиза. – Пятницкая?! – ахнула она. – Как же я здесь оказалась? Неужели я прошла под землей такое расстояние? Во даю, никогда бы не подумала, что способна на такой подвиг, – усмехнулась девушка и шагнула к магазину. Когда она вошла в помещение, на мелодичный звон колокольчика тут же отреагировала стройная симпатичная девушка, у которой на груди красовался бейджик: «Менеджер-консультант Соколова Елена Васильевна».

– Я могу вам чем-то помочь? – улыбнулась девушка, совершенно не подавая вида, что шокирована обликом Елизаветы.

– Можете. Мне нужно переодеться и желательно переобуться. Еще, мне нужна сумка, под цвет новых туфель, и обязательно косметичка с полным набором. Да, чуть не забыла, положите туда же духи. Я пользуюсь косметикой фирмы «Ланком», а духи предпочитаю сладковатого оттенка, французские естественно.

– Сумма должна иметь какие-то ограничения? – все также спокойно поинтересовалась Соколова Елена, совершенно не

удивляясь тому, что в магазине «Модная одежда» требуют еще обувь и косметику.

– Нет, не имеет, у меня «Виза-Экспресс», на счету хватит денег, чтобы купить половину вашего магазина. – И Лиза, вытащив из внутреннего потайного кармашка пиджака золотую кредитку, показала ее девушке. Та удовлетворенно кивнула и предложила клиентке присесть в кресло. Лиза посмотрела сначала на свою грязную юбку, потом на мягкую светлую кожу кресла и с удовольствием плюхнулась в него.

– Ваш размер обуви? – спросила консультант.

– Тридцать восемь, а размер одежды...

– Размер одежды говорить не нужно, я вижу сама, какой вам нужен, – улыбнулась девушка, – сейчас вам все принесут, и вы сможете примерить.

Елизавета вытянула свои грязные ноги с огромными дырками на колготках и, весело рассматривая их, сказала:

– Хороший у вас сервис, мне нравится. И еще, если вас не затруднит, принесите чашечку кофе, пожалуйста. Желательно не растворимый, а натуральный. Это возможно? Я ужасно устала, прямо с ног валюсь, нужен срочный стимулятор. Меня с постели поднимает только сей благодатный напиток, а сегодня мне как-то не удалось его выпить, – вздохнула Елизавета, вспомнив утренние события.

– Нет проблем, через минуту вам подадут кофе. Сколько положить сахара?

– Сахар не нужен, он только портит вкусовые ощущения.

– Здесь я с вами полностью согласна, – улыбнулась девушка-менеджер, – сразу видно, что у вас есть вкус.

– А вы что, сомневались в этом? – нахмурилась Лиза.

– Нет-нет, что вы. Как вы могли такое подумать? – поторопилась успокоить девушка Лизу. Глубоко в ее глазах светились лукавые смешинки, и Лизавета это прекрасно видела. Но она не стала ничего говорить об этом менеджеру-консультанту, прекрасно понимая ее. Если бы Лиза сама была на ее месте, она бы непременно расхохоталась, увидев столь экзотическую даму, ввалившуюся в магазин с «метелкой» на голове вместо волос и в грязной изодранной одежде.

«Хорошая выучка, молодец, – подумала Лиза, глядя в спину удаляющейся девушки, – непременно еще раз приеду в этот магазин, когда все утрясется, и сделаю покупку тысяч на несколько зеленых. Я смотрю, у них здесь очень даже приличный выбор, а консультант – просто прелесть. Мне бы побольше таких сотрудников!»

Елизавета была хозяйкой огромной туристической компании, которая благополучно процветала на рынке туризма и отдыха вот уже десять лет.

Компания работала в любом направлении и по всему миру, поэтому приносила очень неплохой доход. Ко всему прочему, компания занималась продажей авиабилетов плюс авиагрузовыми перевозками. Практически во всех странах у компании был свой собственный трансфер, и теперь Лиза подумывала о том, чтобы построить свою гостиницу, пока

хотя бы одну, в Испании, а дальше будет видно. Лиза была не просто обеспеченной женщиной, она спокойно могла называть себя богатой. И то, что она заработала эти деньги своими руками и, естественно, головой, придавало Елизавете уверенности в себе и гордости. Начинала она почти с нуля, своих денег у нее было совсем мало. Помог ей тогда отец подруги, который дал кредит, совершенно без процентов и сроков. Время тогда было достаточно благоприятным, конкуренция, конечно, уже существовала, но не настолько жесткая, как сейчас, поэтому бизнес начал приносить неплохую прибыль практически сразу. Лиза все деньги вкладывала в расширение дела, лишая себя иногда даже самого необходимого. В настоящее время она заняла на рынке туризма и отдыха определенную нишу, и конкурировать с ней другим компаниям было достаточно трудно. Небольшие туристические агентства продавали путевки «Лизет-тур» по всей России. Елизавета совершенно не жалела себя, когда ставила свой бизнес на ноги и буквально лбом пробивала непроходимые стены. Сейчас она пожинала хорошие плоды благодаря своей дальновидности, напористости и, конечно же, удаче. Приезжая с Виктором на различные тусовки, она всегда высоко держала голову, потому что все вокруг знали, что она не содержанка, как многие присутствующие здесь «куколки Барби», а вполне самостоятельная женщина, сделавшая себя и свой капитал своими руками. На работе все сотрудники боялись ее как огня, она сама себя поставила таким образом

с самого начала. Никаких панибратских отношений она не позволяла, придерживаясь поговорки «Боятся – значит уважают», хотя прекрасно понимала, что нельзя уважать человека, которого боишься. Но сейчас ее это нисколько не волновало, главное, что в компании все четко усвоили: хозяйка никогда и никому не даст спуска и быстренько укажет на дверь, если ее приказания не выполняются надлежащим образом. Увольнения боялись все, потому что так, как платили здесь, не платили больше нигде. На этом Елизавета не экономила, прекрасно понимая, что скупой платит дважды. Не будет хорошего вознаграждения за труды, значит, будут воровать.

Как и обещала девушка-консультант, буквально через пять минут Елизавете принесли чашечку ароматного кофе и пирожное. Пока она не спеша его пила, к ней подбежали две девушки с коробками. В одной была обувь, в другой – косметика. Одна из девушек присела перед Лизой на небольшой пуфик и начала примерять ей туфли, предварительно очень корректно предложив клиентке новые колготки. Та, совершенно не смутившись, стянула с себя рванье и надела новые – прямо на грязные ноги. Другая девушка разложила на журнальном столике косметику, чтобы Лиза могла выбрать себе то, что ей понравится. Еще минут через десять в зал вбежала еще одна девушка и подошла к Елизавете:

– Добрый день. Не хотите ли посетить наш салон красоты?

Он рядом, следующая дверь, – лучезарно улыбаясь, предложила девушка.

Лиза посмотрела в сторону менеджера-консультанта магазина Соколовой и улыбнулась:

– Оперативно работают девочки!

– Массаж, сауна, солярий, маникюр, педикюр, косметический кабинет, парикмахерская, – между тем без остановки тархтела блондиночка.

Лиза посмотрела на себя в зеркала, которыми магазин был напичкан под самый потолок, и сморщила носик.

– Да, от сауны и массажа я бы сейчас не отказалась. Хорошо, я сейчас приду. Девушка, можно вас на минутку? – обратилась она к Соколовой.

– Я вас слушаю.

– Вы мне одежду, когда подберете, пришлите в салон красоты, я туда сейчас пойду. Туфли я возьму вот эти, и с косметикой вроде бы тоже уже разобрались. Вот, возьмите мою карточку, проверьте состояние счета.

Про себя Лиза подумала:

«Хорошо, что я ношу карточку всегда с собой в кармане после того случая. Как это в милиции ее не обнаружили? Я слышала, что у арестованных отбираются все личные вещи. Видно, бог не отвернулся от меня окончательно. Хороша бы я была сейчас совсем без денег!»

Один раз в большом магазине у нее вытащили из сумочки кошелек со всеми деньгами, карточкой и документами. Ей

срочно пришлось звонить в банк и блокировать счет. С тех пор Елизавета всегда клала карточку в карман одежды. Как кстати это пригодилось сейчас, потому что ее сумочка с документами, ключами от дома и машины и со всей косметикой осталась в кабинете у следователя.

– Это займет некоторое время. Вы пока можете пройти в салон, чтобы не ждать, – беря из рук Елизаветы кредитку, лучезарно улыбнулась Соколова.

– Очень хорошо, тогда я вас жду в салоне. Все это, – она показала на туфли и косметичку, – принесете вместе с одеждой. Да, и я еще просила дамскую сумочку. За ваше терпение и услужливость я вас отблагодарю, – улыбнулась Елизавета и, гордо вздернув чумазый подбородок, пошла к выходу.

4

– Как такое могло случиться? – орал не своим голосом полковник, покраснев как свежесваренный рак. – Ты, следовательно, уже имеющий четырехлетний опыт работы, смог допустить такую ошибку? Тебя чему здесь учили, ворон считать, олух царя небесного? Я тебя, сукиного сына, под трибунал отдам, я тебя в районное отделение участковым отправлю, я тебя... – дальше шла ненормативная лексика.

Старший лейтенант Краснощекий стоял навтыяжку с бледным лицом и трясущимися руками. Он даже не пытался оправдаться, так как осознавал свою вину и был полностью согласен с начальником. Он лишь прикрыл от страха глаза, боясь, что полковник захочет пустить в ход свои пудовые кулаки. А он вполне мог это сделать, и старшему лейтенанту было об этом хорошо известно. Кто же мог подумать, что молодая женщина до такого додумается. Сбежать из-под следствия, можно сказать, на глазах у всех, прямо из здания милиции! Следователь Краснощекий даже и предположить такого не мог, ведь это просто слабая женщина, и расплачивался сейчас за свою беспечность по полной программе.

– Немедленно организовать группу захвата! Послать людей по всем адресам, имеющимся в наличии. На квартиру, на дачу, к подругам, к родителям, к любовнику, к черту, к дьяволу, не знаю, куда и к кому там еще, но сделать немед-

ленно! – кричал он.

– Его она убила, – вставил Краснощекий.

– Кого убила? Кто – убила? Ты про кого речь ведешь? – не переставал орать полковник, нарезая круги по кабинету.

– Вы сказали про любовника, а я и говорю, что как раз его-то она и убила, за это и задержана была, – дрожащим голосом проблеял старший лейтенант.

– Без тебя знаю, кого она убила, не морочь мне голову, – рявкнул полковник, – быстро организовать перехват, одна нога там, другая в том же месте! Шагом марш выполнять, и не показывайся мне на глаза, пока не доставишь сюда преступницу. Ясно?

– Так точно. Разрешите идти? – вытянулся в струнку Краснощекий.

– Не идти, а бежать, лететь, плыть! Делай что хочешь, но чтобы уже сегодня она была здесь, вот в этом кабинете, на этом вот стуле, – гремел полковник, сотрясая мощным рыком стены, – не простого бомжа пристрелила, а известного бизнесмена! Он родной брат... сам знаешь, кого. Если не найдем ее, с меня голову снимут, а про твою и говорить не стоит, – небрежно махнул полковник рукой, изобразив на лице брезгливую гримасу. – Что ты на меня вытарасился как баран на новые ворота? Марш из кабинета, и чтоб я тебя не видел, пока не найдешь ее! – рявкнул он.

Парень выскочил из кабинета как ошпаренный и, притормозив уже у лестницы, вытер лоб, с которого пот стекал

обильным потоком.

– Фу, – пропыхтел молодой следователь, – где мне искать эту ненормальную? Ведь что удумала, а? Убежать из-под следствия, да еще из туалета! Совсем чокнутая. Неужели не понимает, что рано или поздно мы все равно ее поймем! А вдруг нет? – холодея от ужаса, пробормотал старший лейтенант. Он даже боялся представить, что с ним сделает полковник, если ему не удастся поймать Михееву в кратчайшие сроки.

По лестнице поднимался практикант, которого приставили к Краснощекому месяц назад. Прощтрафившийся следователь злорадно улыбнулся, предвкушая, как он сейчас отведет душу за свое унижение на этом салажонке.

Лиза млела под руками массажиста. Только что она вышла из сауны и сейчас лежала на высокой кушетке, а здоровенный парень разминал ей косточки.

– У вас отличная фигура, – восхищался массажист, прищелкивая языком.

– Я знаю, – пробурчала девушка.

– Часто делаете массаж?

– Два раза в неделю.

– Это правильно, чтобы всегда быть в форме, нужно уметь ухаживать за собой. Состояние вашей кожи говорит само за себя. Я человек опытный, через мои руки много прошло женщин, но такую кожу, как у вас, нечасто встретишь. Зна-

ете какой-нибудь секрет?

– Никаких особых секретов у меня нет, пользуюсь исключительно натуральными ингредиентами, очень редко позволяю себе импортные кремы, только когда под рукой больше ничего нет. Не очень-то я им доверяю, сколько бы производители ни рекламировали, что это натуральный растительный препарат. Каким бы он там ни был растительным, без химии все равно не обходится. Раз в неделю хожу в баню, у меня своя – построена прямо на участке. Баня настоящая, русская, топится березовыми дровами с добавлением сосновых или еловых шишек, я их каждую осень специально собираю. У меня подруга есть, закадычная, Верочкой зовут, так вот, она верховодит всем, что касается банного дня. Знает, как протопить нужно, как потом парилку сделать, поддать с мятой или с эвкалиптом, чтобы пар был ароматный и целебный. Когда тело распарится, она кладет меня на лавку и начинает колдовать. Сначала веничком березовым охаживает, а потом натирает кукурузной крупой. Потом я делаю с ней то же самое, – охотно начала рассказывать Елизавета.

– А почему именно кукурузной крупой? – удивился массажист. – Что она дает?

– Я не объясню это на профессиональном языке, но могу сказать с точки зрения потребителя: после такого массажа с кукурузой кожа становится как у новорожденного младенца. Вы сами попробуйте и убедитесь, только это нужно делать обязательно после парилки, и не самому, а чтобы кто-то вас

натер, иначе ничего не получится. Нет, можно конечно спереди и самому натереться, просто если это делает кто-то другой, получается эффективней. Двойной эффект получается: и массаж, и очистка кожи, – потрясающе очищает все поры.

– Нужно будет жене посоветовать ваш рецепт, кожа у вас действительно изумительная. Я, между прочим, неплохой специалист и могу выезжать на дом к клиентам.

– Я это учту, дадите мне свою визитку, если сегодня мне понравится ваша работа, то непременно позвоню.

Услыхав о работе, парень утроил усилия.

После массажа всего тела Лиза прошла в косметический кабинет и сделала массаж лица, а затем направилась к визажисту. В парикмахерскую она не пошла, а волосы просто просушила и расчесала, они от природы лежали красивой волной, поэтому практически не нуждались в дополнительной укладке. Девушка из магазина уже принесла все, что заказала Лиза.

Когда Елизавета была уже полностью готова, она подошла к стойке администратора и попросила разрешения позвонить.

– Мой мобильный аппарат разрядился, – виновато сказала она, – а позвонить нужно срочно.

Получив разрешение, она набрала номер телефона кабинета своего заместителя и, нетерпеливо постукивая пальчиками по стойке, лихорадочно придумывала, что ей сейчас сказать. Когда она услышала голос Вадима Сергеевича, ска-

зала то, что первым пришло в голову:

– Добрый день, это я. Как там у вас дела?.. Очень хорошо. Вадим Сергеевич, вам придется некоторое время справляться без меня, я уезжаю в срочную командировку... На какой срок, я точно не могу сказать, все будет зависеть от обстоятельств... Куда еду? В Великобританию. Если кто-то будет меня спрашивать – вы ничего не можете сказать о сроках моего возвращения. Я постараюсь управиться как можно быстрее, а вы держите там оборону: приеду – спрошу по полной программе. Не подведите меня и не дайте в вас разочароваться! Если справитесь с достоинством, вас ждет такое же достойное вознаграждение, но сейчас не об этом. Давайте лучше поговорим о неотложных делах. Завтра у нас выплаты по счетам Аэрофлота. Главный бухгалтер в курсе, я думаю, она не подведет, но все же проследите за этим лично, деньги там немалые, вы сами прекрасно знаете. В сейфе лежат доверенности с моей подписью, вы впишете свое имя и поедете в компанию «Колумб». Я должна была подписать с ними договор, завтра крайний срок, сделаете это вместо меня, по доверенности. Все, мне некогда больше говорить, я тороплюсь. До свидания, Вадим Сергеевич, я очень на вас надеюсь, не подведите! Постараюсь позвонить вам, как только прибуду на место. Внимательнее смотрите за дисциплиной, никому из сотрудников не говорите, что я уехала, пусть думают, что я могу появиться в любой момент, – отчеканила Елизавета, не дав мужчине вставить ни слова, и положила трубку.

Пять лет назад они были близки с Вадимом, но он довольно быстро ей надоел, и Лиза неоднозначно дала ему это понять. Мужчина все же не терял надежды и всячески старался возобновить отношения. Он засыпал ее цветами, раз в неделю звонил ей домой и делал очередное предложение руки и сердца. Когда Елизавете это порядком надоело, она в один прекрасный день вызвала его к себе в кабинет и сказала:

– Вадим, если ты не прекратишь своих домогательств, то нам придется расстаться. Поверь, мне бы этого очень не хотелось: как работник ты меня устраиваешь полностью. Заметь, как работник, а не как мужчина! Прости за откровенность, но как муж ты мне совсем не нужен. С этой минуты будь добр обращаться ко мне только на «вы» и по имени-отчеству. Я, в свою очередь, буду делать то же самое, в независимости от места и времени. Вам все понятно, господин директор?

Вадим выскочил тогда из ее кабинета как ошпаренный, но условия принял и никогда их не нарушал. Как они и договорились, совместное времяпровождение в постели было забыто навсегда.

– Да уж, был такой грех, – прошептала Лиза, и администратор за стойкой удивленно вскинула глаза.

– Вы что-то сказали? – обратилась она к Лизе.

– Нет-нет, это я не вам, – улыбнулась Елизавета, – так, мысли вслух. Прошу прощения, можно еще один звонок? Я вам заплачу.

– Звоните, звоните, никакой платы не нужно, – лучезарно улыбнулась девушка, – для наших клиентов это бесплатно.

– Благодарю, – сказала Лиза и вновь набрала номер. – Алло, это я, добрый день. Забери, пожалуйста, Шерифа, я срочно уезжаю... Я не могу сейчас ничего объяснять, папа, забери собаку, большего я у тебя не прошу... Это ошибка, я ни в чем не виновата... Все, отец, я же сказала, что не могу долго разговаривать... Хорошо, сразу же позвоню... – резко, чем требовалось, ответила Елизавета и положила трубку. Ей очень не хотелось объясняться с отцом, а сейчас из разговора с ним она поняла, что у него уже побывали представители власти и он в курсе событий. Шериф, которого она сейчас просила забрать, был огромным псом породы ротвейлер. Он жил у Лизы уже три года, и она была очень привязана к нему. Пес свободно бегал по саду, поэтому девушка ничуть не беспокоилась, если ей приходилось задерживаться на работе допоздна, выгуливал он сам себя самостоятельно и, к его великой радости, без намордника и поводка. Еду для него Лиза оставляла у ребят, охранявших въезд в поселок, где она жила. Если она задерживалась, то просто звонила им, и они кормили собаку. Когда девушке нужно было куда-нибудь уехать, она просила отца забрать Шерифа к себе, как сделала это сейчас.

– Спасибо большое, было очень любезно с вашей стороны разрешить мне сделать пару звонков, – через силу улыбнулась Елизавета и добавила: – Я расскажу всем своим знако-

мым, какой у вас хороший салон.

Уже стоя в дверях в элегантном брючном костюме, с неброским и очень искусно сделанным макияжем, с красивой волной волос, Елизавета бросила на себя последний взгляд в зеркало и, тряхнув головой, чтобы выбросить из нее неприятные мысли, подмигнув своему отражению, проговорила:

– Я, как всегда, прекрасна, черт возьми, несмотря ни на что!

С улыбкой на губах и гордо поднятой головой она вышла из салона и прошла к проезжей части, замечая восхищенные взгляды проходящих мимо мужчин. Один из них даже приостановился и потянул носом воздух. Лиза благоухала дорогим, очень тонким, сладковатым ароматом. Когда девушка поймала машину и села в салон, водитель поинтересовался, куда ее отвезти. Лиза на секунду растерялась, не зная, что ответить.

А действительно, куда она сейчас могла поехать? Домой нельзя, там наверняка уже засада, к отцу – тем более и к знакомым опасно. Куда же тогда направляться, не ночевать же на вокзале?

– Так куда поедем, красавица? – повторил свой вопрос водитель.

– В Царицыно, – решительно проговорила Елизавета и откинулась на спинку кресла, – по дороге, будьте любезны, остановите машину у любого банкомата, мне нужна неболь-

шая наличность.

– Нет проблем, банкомат значит банкомат, а потом хоть в Питер, мне без разницы, лишь бы платили хорошо, – улыбнулся молодой парень и тронул машину с места.

«А что, это идея, – подумала про себя Лиза, – может, действительно махнуть в Санкт-Петербург? У меня там уйма знакомых: пересидеть некоторое время, пока наша доблестная милиция разберется во всей этой катавасии и поймет наконец, что я здесь совершенно ни при чем. Решено, если сегодня мне не удастся найти другой выход, тогда прямо завтра с утра махну в город на Неве. Плохо, что не могу воспользоваться своей машиной. Она так и осталась стоять во дворе друга покойного Виктора... кстати, вспомнить бы еще, где это! О, боже, разве могла я еще вчера предположить, что со мной случится такое?! Знать бы заранее, где упадешь, я бы с собой перину носила, чтобы вовремя подстелить. Черт меня дернул остаться вчера у Виктора на ночь! Ведь я терпеть не могу ложиться с ним в постель, когда он подшофе. Видно, так тому суждено было быть, ведь хотела же я вчера уехать, так нет – осталась!»

Лиза вдруг вспомнила своего любовника – что теперь его нет, и на глаза навернулись слезы.

«Он хоть и сволочью оказался, изменял мне, как теперь выяснилось, но все равно его жалко. Два года из жизни не выкинешь. Кстати, как оказались те фотографии у меня в сумочке? Кто мне их мог туда положить? Когда я приехала с

Виктором к нему домой, никакого конверта у меня в сумочке не было! Значит, бандиты – больше некому! Так, вроде все, что я могла в данной ситуации сделать, я сделала, – перескочили мысли девушки на другую тему. – На работу позвонила, можно быть спокойной. Шерифа заберет отец, хорошо, что у него есть ключи от дома, мои-то теперь в милиции... А какие снимки, прямо загляденье, – продолжала свои размышления Лиза, вспомнив фотографии, которые ей показал следователь, – ни стыда ни совести, – чуть не сплюнула она в сердцах, – зачем тогда, спрашивается, замуж меня звал? Для проформы, что ли?! Интересно, а за что его убили? Он мне говорил, что предстоит какое-то очень важное дело, которое принесет хорошие деньги. Может, убийство связано именно с этим?..»

Лиза потеряла пальцами виски – теперь поздно гадать, с чем связано убийство, человека уже нет. Теперь ей нужно думать, как свою задницу спасти, а для этого надо узнать, не за что убили, а кто убил. Хотя одно с другим связано напрямую. Если узнать – за что, тогда может стать известно – кто. Ну не ей же, в конце концов, этим заниматься? Для чего у нас вообще существует милиция? Только для того, чтобы обвинять совершенно безвинного человека бог знает в чем? Кроме как наглостью, это никак не назовешь! Петляй тут теперь по всей Москве как заяц, будто я и в самом деле преступница какая!

«Угораздило же этого дурака Виктора ввязаться во что-

то, а я теперь отдувайся! Ему-то что? Лежит теперь, ни о чем не думает, а я уже всю голову сломала. Господи, прости за крамольные мысли! Что я несу, в самом деле? О мертвых – или хорошо, или ничего, а я ругать его вздумала, совсем с головой плохо, – сама на себя разозлилась Елизавета. – Наверное, я страшная эгоистка, раз даже после смерти не могу простить человеку его измену. Мне все говорят, что я слишком гордая, а гордость – это грех. Гореть мне в аду синем пламенем, как пить дать, но поделаться с этим я ничего не могу, видно, характер такой...»

Елизавета слабо улыбнулась, вспомнив, как ее бабуля, царство ей небесное, очень часто говорила:

– Ох, Лизавета, характер у тебя «мухоморный», натерпишься ты в своей жизни с ним. С виду ты девка справная, все при тебе, а внутри – ядовитая. Ни в чем не хочешь уступить и никому. Уж слишком ты гордая, а язычок – чистый яд. Смотри, сколько ребят вокруг тебя вьется, а ты, точно язва, только смеешься над всеми. Гляди, придет время, попадетя на твоём пути парень, тебе же подобный, будешь тогда знать! Скрутит тебя любовь в бараний рог, будешь подушку слезами умыть, помани мое слово. Не мешало бы тебе на себя это «платьице» примерить.

Елизавета лишь посмеивалась над словами бабки:

– Не родился, бабуля, еще такой человек, чтобы я в него влюбилась без памяти, да еще и плакала из-за этого.

– Поглядим, поглядим, дай бог мне дожить до этого. А

ежели не доживу, так с того света все равно увижу, вот уж посмеюсь тогда, – беззлобно улыбалась бабка.

Она умерла год назад, так и не дождавшись, что ее внучка встретит того единственного, ради которого изменит свой «мухоморный» характер. Про Виктора бабуля знала, но только махала рукой, когда Лиза ей говорила, что хотела бы выйти за него замуж:

– Нет, милка, не он это, ты какая была, такая и осталась, если не хуже. Я бы сразу по тебе увидала, если бы ты встретила того, о ком я тебе говорила.

Лизу раздирало дикое любопытство, и она периодически приставала к своей бабке:

– Бабуль, а какой он?

– Как встретишь, сразу узнаешь его, – хитро улыбалась бабка, – он для тебя будет самым лучшим, самым красивым, самым щедрым, самым умным и самым добрым.

– Три раза «ха», бабуленька! Где же это ты в наше время таких мужчин видела? Это уже из раздела фэнтези. Таких не бывает, все мужики только о себе и думают, – грустно вздыхала Лиза.

– Бывает, бывает, – хитро улыбалась бабка, – вот когда встретишь, сразу и поверишь мне.

– Баб, а может такое случиться, что я его вообще никогда не встречу?

– Может, конечно, только не хотела бы я этого для тебя, внученька. Уж больно мне хочется, чтобы ты изменилась.

– Бабуль, неужели я и вправду такая плохая? – хмурилась девушка, хотя прекрасно знала, что хорошей ее ну никак назвать было нельзя.

– Нет, сама ты неплохая, характер у тебя плохой, – смеялась бабка.

– А это разве не одно и то же?

– Нет, не одно и то же. Сама ты – это душа твоя, а характер – это разум твой.

– Не очень мне это понятно, – ворчала Лиза.

– Ничего, деточка, придет время – поймешь. Душу поменять никак нельзя, ее господь дал тебе при рождении, а вот характер может измениться. Это происходит, когда мысли человека меняются, или образ жизни, или когда рядом с ним появляется кто-то очень дорогой, которому можно открыть свою душу полностью, без остатка. Поняла теперь?

– Не-а...

– Ладно, наверное, не пришло еще твое время, – махала бабуля рукой, – поживем, увидим.

Лиза забрала свою бабушку из деревни и привезла ее к себе, как только купила дом, в котором сейчас жила. Бабушка ходила по дому и все прищелкивала языком от того, что видела. Кроме как хоромами, она дом не называла и все качала головой: это сколько же деньжищ он стоит?

Пожить в хоромаш ей пришлось всего два года, а потом она заболела и тихо умерла. Лиза очень переживала ее болезнь, а потом и смерть. Бабка была единственным человеком, кото-

рый ее любил по-настоящему, ничего не прося взамен. Старая, мудрая женщина видела, какая в Лизе идет борьба со своими слабостями, как она подавляла их в себе, прячась за свою броню грубости и вседозволенности, но никогда не упрекала за это внучку и ничего не говорила. Лишь иногда садилась рядом с Лизой и начинала ей рассказывать, какой хорошей женщиной была ее, Лизина, мать и как она любила свою девочку. Что Лиза очень похожа на нее и красотой, и душой.

– Вот только характер у тебя «мухоморный», – в который раз повторяла она и хитро улыбалась, – но я знаю, я чувствую, что он переменится, и тогда ты, деточка моя, все забудешь и все простишь... сразу и всем.

– Девушка, Царицыно, куда дальше-то? – услышала Елизавета голос водителя, который прервал ее воспоминания.

– Я же вас просила у банкомата остановиться, – нахмурилась девушка.

– Вон, на доме, видите, «сбербанк» написано? Вот там и будет банкомат, – ответил водитель и улыбнулся, – они сейчас на каждом шагу попадают.

– Поверните к тому дому, я выйду, сниму деньги и тогда расплачусь с вами.

Парень подогнал машину к самым дверям сбербанка и остановился. Елизавета прошла к банкомату и, вставив карточку, задумалась.

«Сколько денег-то снять? Сниму побольше, неизвестно, что может произойти. Вдруг додумаются счет заблокировать, у нашей милиции ума хватит. Останусь тогда вообще без средств к существованию».

С этими мыслями Лиза набрала свой код, а потом сумму, которую решила снять. Сумма была очень даже приличной, поэтому пришлось постоять и подождать, пока электронный кассир соизволит расстаться с ней. Лиза заранее раскрыла сумочку, чтобы сразу же запихивать купюры в нее, когда они начнут выпрыгивать из отверстия. Когда наконец деньги начали сыпаться, то их в результате оказалось так много, что сумочка еле закрылась.

– Не рассчитала, нужно было сумку побольше купить, – проворчала Лиза, запихивая ее под мышку и прижимая раздутый аксессуар рукой.

Она не стала снова садиться в машину, а расплатилась с водителем и направилась в сторону дома своей подруги Веры, до которого нужно было пройти всего один квартал.

«Пройдусь пешком, подышу немного свежим воздухом, что-то голова разболелась», – решила Лиза. Она не спеша шла по направлению к дому своей подруги, но вдруг резко остановилась.

– Нет, сейчас я к Вере не пойду, лучше поздно вечером, чтобы никто меня не видел, – решила девушка и повернула в противоположную сторону. Раньше Лиза жила недалеко от дома Веры, а когда ей исполнилось восемнадцать лет, она

ушла из дома, а отец так и остался жить в той квартире.

«Как я поняла из разговора с отцом по телефону, он уже в курсе событий, значит, вполне может быть, что меня там поджидают. Гарантии, что к Верочке тоже не придут, никакой нет, поэтому нужно быть предельно осторожной. Сейчас я должна где-то переждать. Вот только где? Может, сходить пока в кино? Точно, проеду сейчас на автобусе до «Рамстора», там есть кинотеатр. Схожу, посмотрю, что там показывают, посижу в кафе, вот время и пробежит. Вечером позвоню Верочке и узнаю, могу ли я к ней приехать», – решила Лиза и повернула в сторону автобусной остановки. Она доехала до огромного супермаркета «Рамстор» и поднялась на третий этаж. Там располагался большой зал, где можно было посидеть и перекусить. Здесь же был кинотеатр, и девушка купила себе билет на дневной просмотр. Шел прокат нашумевшего блокбастера «Матрица-3», и Лиза с удовольствием посмотрела его. Предыдущие два она уже видела и даже имела дома диски с этими фильмами.

«Нет худа без добра, – горько усмехнулась про себя Елизавета. – Когда бы я еще побывала в кино и от души налопалась поп-корна?»

Елизавета несколько раз пыталась дозвониться своей подруге, даже спустилась для этого в метро и купила телефонную карточку. Номер постоянно был занят.

«Наверное, опять трубка неправильно лежит», – подумала Лиза.

Так было уже не раз, потому что маленький сынишка Верочки очень любил играть с телефоном, изображая из себя взрослого.

Он смешно хмурил бровки и кричал: «Ае, ае», потом бросал трубку и несся в другую комнату или на кухню к маме.

Вера не всегда могла уследить за сынишкой, и очень часто трубка так и оставалась лежать рядом с телефонным аппаратом. По этой причине все знакомые и родственники советовали Вере купить себе мобильный телефон, чтобы хоть каким-то образом можно было с ней связаться. Мамочка отмахивалась и старательно учила сына класть трубку правильно, правда, пока что это еще не возымело должного действия. Димка продолжал хватать трубку, чтобы пару раз прокричать туда свое «Ае» и бросить ее рядом с телефоном. Ему шел второй год, разговаривать он еще не умел. Кроме слов – мама, папа, дай, ае – и еще некоторых, ничего внятного сказать не мог. В основном он болтал на своем, «китайском», языке, который понимали только его ровесники в песочнице.

Потеряв всякую надежду связаться с подружкой по телефону, Лиза решила рискнуть и отправиться туда без предварительного звонка. Она уже завернула во двор дома... и замерла как вкопанная. Во дворе стояла милицейская машина, за рулем которой сидел парень и лениво покуривал.

– Ох ты, черт, – шепотом выругалась девушка, – вот как раз с вами мне очень бы не хотелось встречаться! Думаю, до конца жизни буду страдать чесоткой при одном упоминании о нашей доблестной милиции. Подожду-ка я, пока вы отсюда уедете.

Она шмыгнула в соседний подъезд и, поднявшись на два пролета, остановилась у подоконника. В окно весь двор был виден как на ладони, и машина в том числе.

«А вдруг это уже меня ищут? – подумала Лиза, и от этой мысли у нее сразу же вспотели руки. – Верочка – моя лучшая подруга, ничего нет удивительного, что в первую очередь меня будут искать именно у нее. Если это действительно так, то нужно отдать должное этому молодому следователю – оперативно работает, уже и адрес подруги узнал, – горько усмехнулась девушка, – хотя что здесь может быть удивительного? Ведь у отца-то менты были еще днем, и он вполне мог сказать им про Веру. Точно, это по мою душу! Тогда даже не знаю, что дальше делать. Где мне ночевать-то, если меня обложили, как зверя? К отцу – исключено, домой – тем более...»

В это время из подъезда, где обитала ее подруга Верочка,

вышли три человека. Один из них был тот самый молодой следователь Краснощекий, и с ним два парня с автоматами в руках.

– Ну вот, так я и думала, – охнула Елизавета, – а экипировались-то как! Боятся, наверное, что я их пистолетным огнем встречу. Знали бы вы, ребятки, до чего я боюсь всякого насилия, сидели бы тогда в своем отделении и думали, как поймать настоящих преступников, – всхлипнула девушка. – Гоняетесь за беззащитной женщиной вместо того, чтобы действительную преступность искоренять, – проворчала она и тряхнула головой. – Так, вернемся к насущным проблемам. К Верочке мне, значит, нельзя. В гостиницу я пойти не могу: у меня нет с собой паспорта. Где же тогда ночевать? Не на вокзале же? Там тоже милиция. Что делать-то? – Елизавета начала злиться и топнула ногой. Она так погрузилась в свои проблемы, что не заметила, что по лестнице кто-то спускается.

– Что это ты тут ногами топаешь? – услышала Лиза насмешливый голос и даже подпрыгнула от неожиданности.

Она повернула голову на голос и увидела мужчину, который спускался по ступеням и вяло улыбался.

– Ой, Сережа, привет, сто лет тебя не видела, – сказала Лиза и глупо улыбнулась.

– Привет, коли не шутишь, – кивнул мужчина. – Выглядишь, Елизавета, как всегда, потрясающе! Какими судьбами в мой подъезд? Или по ошибке вместо подружкиного сюда

завернула? – продолжая лениво улыбаться, спросил Сергей.

– Ой, Сереж, даже и не спрашивай ни о чем, – махнула рукой Лиза, – а что это ты пешком, а не на лифте? – задала она вдруг вопрос невпопад.

– Сломан, – коротко бросил Сергей и посмотрел на Лизу внимательным взглядом. – Что-то случилось?

– Ага.

– Что именно?

– Не спрашивай, Сереж, не нужно тебе в это ввязываться.

Мужчина заметил, как Лиза затравленно посмотрела в окно, и, проследив за ее взглядом, увидел милицейскую машину. Сообразив, что у девушки какие-то проблемы с правоохранительными органами, он принял решение.

– А ну, пошли, – строго сказал Сергей и, взяв Лизу за руку, потащил ее в свою квартиру. Она не стала упираться, а безропотно поплелась следом. Силы вдруг оставили Елизавету, и от ее бравады ничегошеньки не осталось. Из глаз покатались слезы – крупными горошинами, оставляя на щеках черные борозды от туши.

Сергей был давним воздыхателем Лизы. Она жила неподалеку от этого дома, они с Верой учились в одной школе. Когда девушки перешли в десятый класс, парень пришел из армии и, встретив однажды подружек во дворе дома, остолбенел, увидев, как расцвела Елизавета. Он то бледнел, то краснел, когда подружки о чем-то непринужденно болтали с ним, а он невпопад отвечал. После этого он частенько выхо-

дил из своего подъезда именно тогда, когда девушки шли к Вере домой. Лиза прекрасно видела, какими глазами смотрит на нее Сергей, но лишь посмеивалась над ним. Она вообще смеялась над всеми парнями, которые пробовали ухаживать за ней. Конечно же, это была своего рода защита, но, кроме самой Елизаветы, никто об этом не знал, и все считали ее слишком заносчивой. Она была симпатичной девушкой и пользовалась этим напропалую, отшивая то одного, то другого парня, который увивался за ней. Сергей же любил Лизу издалека и никогда не предлагал ей встречаться с ним, хоть и бывали они очень часто в одной и той же компании. Сергей вел себя по отношению к ней как друг, и не более того. Но это было до поры до времени. Когда Лизе исполнилось восемнадцать лет, Сергей пришел к ней с огромным букетом цветов и выпалил чуть ли не у самого порога:

– Лиза, я люблю тебя с той самой первой встречи, выходи за меня замуж!

В первое мгновение девушка остолбенела, но потом, следуя своему несносному характеру, вдруг громко расхохоталась.

– Замуж? За тебя? – продолжая хохотать, спрашивала девушка. – Ты что, Сереж, не в своем уме?

– А что, женятся только безумные? – с обидой в голосе спросил парень, и глаза его сверкнули недобрым огнем. – Значит, ты мне отказываешь?

– Естественно, – продолжала улыбаться Лиза.

– Для тебя это, может, и естественно, а для меня... – он не стал договаривать, а просто бросил букет в ноги Елизавете и, хлопнув дверью, выскочил из квартиры. С тех пор он старался избегать встреч с ней, а потом и вовсе пропал на какое-то время. От своей подруги Верочки Лиза узнала, что он временно переехал на другой конец города, в квартиру своего брата, который уехал за границу на работу по контракту. Они встретились с Сергеем три года спустя в одной компании. У жениха еще одной Лизиной подруги был день рождения, и вот там, уже сидя за столом, Лиза вдруг почувствовала на себе пристальный взгляд. Когда она начала искать его источник, то наткнулась на глаза Сергея.

– Привет, – улыбнулась она парню.

– Здравствуй, Елизавета, – хмуро ответил парень и, отвернувшись, начал ухаживать за девушкой, которая сидела рядом с ним. Чуть позже, когда гости принялись за танцы, Лиза узнала, что эту девушку зовут Катя и они встречаются с Сергеем вот уже год.

– Не вздумай ему снова глазки строить, – предупреждала ее Вера, – у них вроде серьезно все, пожениться хотят.

– Да ну? – усмехнулась Лиза и стрельнула взглядом в сторону танцующей парочки. В действие опять вступил ее «мухоморный» характер, и Лиза пошла направо, чтобы в который раз доказать самой себе, что ей по плечу все, чего бы она ни захотела. В этот же день они с Сергеем оказались в постели, и он снова предложил ей стать его женой.

– Нет, Сереж, я пока замуж не собираюсь, у меня свой бизнес налаживается, нужно сначала о карьере подумать, а уж потом и пеленками обвешиваться.

На самом деле этот парень с ласковыми и очень красивыми глазами нравился ей больше, чем все остальные, и она бы предпочла именно его, если бы действительно хотела выйти замуж. Но она решила для себя окончательно и бесповоротно, что, прежде чем это случится, она станет независимой и обеспеченной женщиной. Чтобы никто и никогда, даже муж, не смог бы упрекнуть ее в том, что она полностью зависит от него. А уж потом... будет видно.

Сергей лишь грустно посмотрел на нее тогда и, ничего не сказав в ответ, молча встал и ушел. С тех пор прошло еще восемь с половиной лет, и вот сейчас они снова встретились, да еще при таких странных и малоприятных обстоятельствах! Нет, они, конечно, виделись иногда во дворе, когда Лиза приезжала к своей подруге в гости, но лишь молча кивали друг другу головами в знак приветствия и уж совсем редко перекидывались обыденными, ничего не значащими фразами. Лиза никогда не интересовалась у Верочки, как у Сергея дела, женился, не женился, есть ли дети и вообще – чем он занимается. Она без сожаления выкинула его из головы, как и многих других. У нее совершенно не было времени на то, чтобы предаваться воспоминаниям о нем, и уж тем более интересоваться им. Подруга Вера сама не проявляла инициативы и никогда не рассказывала про соседа, зная, что

подруге это совсем неинтересно.

– Ну, рассказывай, – усадив Лизу в кресло и сев напротив, строго приказал Сергей.

Девушка посмотрела на парня затравленным взглядом и, продолжая хлопать носом, сказала:

– Сережа, меня ищет милиция.

– Я уже это понял. По какому поводу? – совершенно спокойно спросил он.

– Они обвиняют меня в убийстве.

– В убийстве кого?

– Любовника.

– Чей любовник?

– Мой.

– Понятно. Ну, и за что же ты его убила?

– Кого? – округлила глаза Лиза, на которых моментально просохли слезы.

– Пушкина, – хмыкнул мужчина, – любовника, конечно. Кого же еще?

– Ты что, тоже ненормальный, как и тот следователь? – возмущенно пропыхтела девушка.

– Какой еще следователь? – не понял Сергей.

– Который допрашивал меня.

– Так значит, ты уже побывала в милиции?

– Ага, побывала, только мне там не очень понравилось, и я решила сбежать. Следователь совсем одурел, уверен, что

это я там всех перестреляла, а я и пистолет-то первый раз в жизни видела, раньше только по телевизору.

– Какой пистолет?

– Сереж, ты что, тоже бестолковый? – раздраженно проговорила Лиза таким тоном, будто все кругом были просто обязаны понимать ее с полуслова. – Обыкновенный пистолет, кажется с глушителем, у него такой длинный ствол... Я сама не знаю, как он в моих руках оказался! Я еще до сих пор не сообразила, то ли во сне все это видела, то ли наяву. Но зато все точно помню до этого момента. Я знаю, что Виктора убили какие-то бандиты, а потом они и меня нашли.

– Значит, ты не убивала?

– Конечно, нет! – выкрикнула Лиза и закрыла ладонями лицо. – Неужели ты думаешь, что я способна на такое? Господи, и за что мне все это?!

– Я пока ничего не думаю. А знать, способна ты на это или не способна, я тоже не могу, – сухо сказал Сергей.

– Это почему? – искренне удивилась Лиза.

– Я не видел тебя больше восьми лет, Лизонька, вернее не общался с тобой, и понятия не имею, на что ты способна в данное время, потому что совершенно не знаю тебя. Вернее будет сказать, я не знаю, какой ты стала.

– Нет, мужики точно все какие-то ненормальные, – вздохнула девушка, – ну зачем мне это было нужно – убивать Виктора? Мы с Правдиным пожениться собирались!

– А почему же тогда тебя ищут? Почему именно тебя об-

виняют в преступлении?

– Елки-палки, Сережа, я уже устала от мужской несообразительности. Неужели непонятно?! Потому что они хотят повесить на меня это убийство, чтобы не возиться и не искать настоящего преступника! Тот молодой следователь угваривал меня, чтобы я написала явку с повинной, что, мол, убила любовника на почве ревности в состоянии аффекта. За это, говорит, меньше срок дадут. А почему я должна признаваться в том, чего не совершала?! Мы с Виктором пожениться хотели, я тебе только что сказала. Зачем мне его убивать-то? И вообще, чушь какая-то, я совершенно ничего не понимаю! Мне до сих пор кажется, что я еще сплю, – трянула Лиза головой.

– Понятно, – протянул парень, хотя по его лицу было видно, что пока ему ничего не понятно, – ладно, давай все по порядку и с самого начала, – нахмурился он и очень серьезно посмотрел на Елизавету: – Только очень прошу, все рассказывай честно, как на исповеди. Если вздумаешь финтить, то лучше даже не начинай.

6

Старший лейтенант Краснощекий развил бурную оперативную деятельность по поимке опасной преступницы. Только что он привел в настоящий столбняк ее подругу Веру, когда ввалился к ней в квартиру с вооруженными людьми.

– Если вы вздумаете покрывать свою подругу и не будете способствовать ее водворению в положенное место, то это будет расцениваться как соучастие. Вы меня поняли? – сверля глазами перепуганную насмерть Верочку, строго громыхал проштрафившийся следователь.

– Да, конечно, я все поняла, – кивала головой ничего не понимающая молодая женщина очень внушительных габаритов. Она прижимала к груди маленького сынишку, который тарасил глаза на грубого дядю и уже собирался разразиться оглушительным ревом.

– Если она вдруг объявится или позвонит, немедленно информируйте меня вот по этому телефону, – протягивая визитку, продолжал говорить следователь. – И не пытайтесь скрыть ничего от нас: у нас длинные руки и чуткие уши! Если узнаем, что вы не сделали этого, будете отвечать по всей строгости закона.

– Да-да, я все поняла, я обязательно позвоню, – кивала головой Вера, переводя взгляд с рук парня на его уши. Она успокаивала сынишку, который уже начал хныкать, и все

ближе подходила к представителю власти, чтобы побыстрее оттеснить его к двери. – Если она появится или позвонит, я сразу же вам сообщу, не сомневайтесь, все сделаю, как вы сказали, – кивала Верочка головой, уже вплотную приблизив свою мощную грудь почти к носу Краснощекого. Молодая женщина была выше старшего лейтенанта на добрых полторы головы, поэтому ее грудь и оказалась как раз на уровне его носа. Ей очень хотелось двинуть этого молодого нахала под зад коленом и выпроводить из квартиры, сдерживало лишь то, что он был при исполнении. Поэтому Вера просто распахнула дверь и попрощалась.

Довольный произведенным эффектом, Краснощекий вышел из квартиры.

– Ничего, никуда она не денется, обложим со всех сторон, как медведя в берлоге! Она еще не знает, с кем имеет дело! Сейчас еще разочек проведем повторную обработку родственников. Будет знать, как от меня бегать! Ишь, какая умная нашлась! Дураком меня решила выставить? Не выйдет, гражданка Михеева, я вам не Ваня Курский, я опер, и со мной у вас этот номер не пройдет безнаказанно. Жизнь свою положу, но за решеткой ты у меня будешь сидеть, – процедил он сквозь зубы, вспоминая, что ему пришлось вытерпеть в кабинете у своего начальника. – Так меня унижить перед всем управлением – век не прощу! – по-змеиному прошипел он и поглубже натянул на лоб милицейскую фуражку.

* * *

Сергей очень внимательно выслушал сбивчивый рассказ Елизаветы, ни разу ее не перебив. Когда она закончила и посмотрела на него испуганным взглядом, он вдруг почувствовал, как по-прежнему, как раньше, много лет назад, его сердце учащенно забилось. Он тряхнул головой, чтобы прогнать наваждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.